

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

КТО-ТО ТРЕТИЙ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Кто-то третий

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Кто-то третий / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2020 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-110491-7

Новый роман о выдающемся сыщике Льве Гурове – герое старейшей детективной серии. За 25 лет вышло около 200 томов тиражом десятки миллионов экземпляров. В полицию обратилась девушка с заявлением. Она утверждала, что в парке ее пытались убить. Ей удалось убежать, а вот нападавший... погиб на месте. Опергруппа действительно обнаружила в парке труп мужчины с пробитой головой. Неужели это дело рук потерпевшей? Полковнику МВД Гурову эта история показалась странной: слишком неравные были силы. Допрос девушки вскрыл новые подробности, и у сыщика уже не осталось сомнений: в деле был кто-то третий. Чтобы найти неизвестного, Гуров поднимает старые связи, но по-настоящему надеется только на странную улику, найденную на месте происшествия...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110491-7

© Леонов Н. И., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Кто-то третий	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Николай Леонов, Алексей Макеев

Кто-то третий

© Макеев А.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Кто-то третий

Глава 1

Предрассветный туман окутывал деревья, густо стелился по земле. Влага пропитывала воздух, росой ложилась на листву. Белая, мутная завеса превратила уютный столичный парк в декорации к фильму ужасов, скрадывающая звуки, размывая очертания. В таких местах ощущение, что там, за завесой, скрывается нечто ужасное, нечто опасное и непредсказуемое, накатывает волнами. Минуту назад это был всего лишь городской парк, и вдруг там, в глубине белой мути, слышатся шаги. Глухие, торопливые звуки, едва пробивающиеся сквозь вязкую муть, начинают вызывать жуткие ассоциации. Страх ползет от пяток к сердцу. Вот оно! Теперь трагедия неминуема, катастрофа неизбежна. Почему? Да потому что шаги. Нет. Не шаги, судорожный бег, вот что идет из глубины парка. Там беда, там нечто неотвратимое. Бежать! Бежать! Бежать от этой жути!

Она и побежала. Так, как никогда в жизни. Так, как не бегут даже спринтеры на международных Олимпийских играх. Белые ботинки-сникерсы, купленные всего неделю назад на распродаже, остались где-то там, за белой мути. Босые ноги шлепали по заиндевевшему асфальту, от холода мгновенно потеряв чувствительность. А ведь всего плюс три, не мороз. Эластичные колготки расползлись даже не стрелками, огромными дырами. Плевать! Спасай шкуру! Беги! Беги!

Уши прислушивались к звукам, сердце молило услышать голоса, живые человеческие голоса. И боялось – вдруг это он? Вдруг опередил, нагнал, обманул?.. Вперед, вперед, пока земля держит, пока сердце стучит! Пусть где-то в горле, но стучит же. Значит, не все потеряно, значит, есть шанс. Ох, она бы все отдала за совсем ничтожный, малюсенький шансик.

Нога налетела на камень, совсем маленький камушек, но боль пронзила бедро так, что из горла вырвался крик. О боже! Зачем? Зачем этот крик? Он же услышит, поймет, что она рядом. Нагонит, схватит за волосы и утащит в кусты. Снова... Второй камень врезался в пятку. Она упала, но тут же вскочила, не обращая внимания на горящую огнем ногу. Вперед! Бежать! Бежать! Только не останавливаться, не терять темпа!

Ноги уже отказывались нести, и она спотыкалась все чаще и чаще. От этого паника только разрасталась. А в ушах... В ушах звенел голос. Мерзкий и бархатный одновременно. «Спокойно, моя малышка. Расслабься, Светлячок. Будет здорово». Идиот, кому здорово?!

Брось! Не думай! Не вспоминай! Беги без оглядки! Осталось совсем немного, каких-то пару сотен метров. Или больше? Ощущение, будто парку конца нет, а ведь она точно знала, что не такой он большой. Два километра в самом широком месте. И не такой пустынный. Обычно...

В горле засвистело, легкие с трудом выталкивали воздух, гортань отказывалась впускать его обратно. Ей бы остановиться, перевести дыхание, собраться с силами и совершить последний рывок. Но нет! Останавливаться нельзя, остановка – это смерть. Жестокая, мучительная, а главное – унижительная. На это она не согласна. Пусть уж лучше легкие свернутся, пусть сердце разорвется, чем такое.

Впереди показался забор. До центрального входа не добежать, сил не осталось, но она знала лазейку, не один год ею пользовалась. Знает ли он? Возможно. Но теперь это не имело значения. За забором наверняка люди. Там жизнь, там цивилизация. Или нет? Думать об этом нельзя. Нужно верить, нужно надеяться. Все плохое осталось позади, теперь все будет хорошо. Наверное...

Пятое октября для оперативных работников уголовного розыска – день особый. Можно сказать, день рождения отечественного сыска. И готовятся они к нему по-особому. Отчеты, доклады, награды. Правда, последнее, если повезет. Не повезло тебе, так за коллег порадоваться тоже приятно. Не каждый день оперов чувствуют.

В Главке в этот день суета. Настроение у всех приподнятое, форма наглаженная, на погонах звезды начищены. Зайдешь – залюбуешься. Все ходят чинно, не спеша. Улыбаются друг другу, за руку здороваются, поздравляют с праздником, будто целый год только в ожидании этого дня и жили.

Полковник Лев Гуров в этот день в Управлении появляться не особо любил. Претендовать на награды – скучно, умиляться бравою выправке – смешно, а радоваться тому, что людям нужны сыскари, вообще глупо. Куда лучше, если бы этого праздника не было. Не потому, что отменили, а потому, что в принципе в уголовном розыске нужда отпала. Вот так вдруг взяла и испарилась. Нет преступлений, нет преступников, на черта тогда служба уголовного розыска? Конечно, мысль эта из области фантастики. Никогда в мире не наступит такой момент, когда исчезнут все преступники. А жаль.

Об этом размышлял полковник Гуров, входя в Перовское отделение полиции, расположенное возле Терлецкого парка. Шел он туда с определенной целью: поздравить коллегу. Нет, не с профессиональным праздником, хотя заодно, конечно, и с ним, но только отчасти, за компанию, так сказать. Олега Демина, оперуполномоченного по особо важным делам, угораздило родиться аккурат пятого октября, правда, не в судьбоносный для угрозыска год, а всего лишь тридцать лет назад, но совпадение это для него бесследно не прошло.

Его боевой краснознаменный дед, прошедший все возможные войны, так как был старым, как саксаул, с первых минут жизни внука «крутил шарманку», наматывая километры нравоучений на молодой податливый мозг: каждый уважающий себя мужчина должен послужить Отечеству. На славу послужить, а не для «галочки». Мать Демина, женщина мягкая и нерешительная, пресечь поползновения отца на мозг малолетнего сына была не в состоянии. Вот так и вышло, что к пятнадцати годам дорога Демину была открыта только в два направления: армия и полиция.

И как-то так сложилось, что именно к деятельности оперативных работников уголовного сыска Олежка Демин тяготел всей душой. С рождения духом оперативной работы пропитался, шутил сам Демин. Так ли, иначе, но, когда чуть больше десяти лет назад желторотым стажером он попал под начало Гурова, тот сразу оценил способности парнишки и принялся усиленно загружать его важными для оперативника знаниями и умениями. Демин уже давно работал самостоятельно, а симпатия между бывшим стажером и бывшим наставником не угасла и даже переросла в крепкую дружбу.

Цветов и подарков Гуров с собой не брал, полагая, что внимание куда важнее, чем материальные подтверждения оного. Забегал в кулинарию на Цветной бульвар в стильный ресторан с деревенским названием «Валенок», брал два контейнера навывнос, этим и ограничивался. Любимым лакомством Демина еще со времен стажировки были пирожные безе в виде торта, щедро посыпанные свежими или засахаренными ягодами. За это лакомство Демин был готов душу продать, фигурально выражаясь, естественно, но Гуров помнил и раз в год друга баловал.

Вот и сейчас в руках у него шелестел пакет, откуда по дежурке разносились невероятные запахи ванили, сахарной пудры и чего-то восхитительно сладкого. Дежурный по отделению покосился на пакет и деловито поинтересовался:

– Вам назначено?

– Полагаю, да. – Гуров выудил из нагрудного кармана удостоверение, сунул его в окошко. – Демин на месте?

– Так точно, товарищ полковник! Здравия желаю, товарищ полковник! – зачастил дежурный, лишь только взглянул на удостоверение. – Вас проводить?

– Не заблужусь.

– Вторая дверь налево, – на всякий случай напомнил дежурный и запоздало добавил: – С праздником вас!

– И тебе того же, – бросил на ходу Лев.

Демин оказался на месте. Наглаженный и густо пахнувший парфюмом, он восседал в новеньком кожаном кресле и светился, точно начищенный пятак.

– Ух ты, аромат какой! – Гуров театрально помахал перед носом раскрытой ладонью, разгоняя воздух. – В честь юбилея надухарился?

– Только что из парикмахерской, – заулыбался Олег. – А вы снова из Управления сбежали? Повезло вам, что я день в день с профессиональным праздником родился, не нужно каждый год новую отмазу придумывать.

– Что есть, то есть. Тебе вот тоже повезло, – водрузил на стол пакет с коробками Гуров.

Демин приподнялся, втянул ноздрями воздух и заулыбался еще шире:

– Что, не сдулся еще «Валенок»? Молодцы, ребята, крепко за свой бизнес держатся.

Эффектно прокрутившись в кресле, Олег оттолкнул его к стене и, распахнув дверцу тумбочки, выставил на стол два граненых стакана в металлических подстаканниках и щелкнул кнопкой электрического чайника.

– С утра поздравления принимаю, – похвастался он. – Ребята из лаборатории вот стаканы подогнали. Васек две лыжные палки презентовал, мои-то в прошлом сезоне крякнули. Финотдел новое кресло от щедрот выписал. А высокое начальство к награде представить грозилось.

– К награде – это хорошо. Кресло, на мой взгляд, лучше, но и награда неплохо. Будет чем перед внуками похвастаться, – пошутил Лев.

– Внуки... – протянул Демин. – Когда они еще будут, до детей бы дожить.

– Так работать надо в нужном направлении. Не в отделе штаны просиживать, а в люди идти. По набережной пройтись, в кино сходить, по парку прогуляться. Вон у тебя под боком какой парк шикарный.

– Парк – да. – Радости в голосе Демина значительно поубавилось. – В парке погулять иной раз неплохо.

– Что скис? – сразу уловил перемену его настроения Лев. – Проблемы?

– Есть кое-что, – неохотно признался Олег. – Только, думаю, тема не к месту. Не праздничная.

– А ты не думай. Чай наливай и выкладывай. Одна голова хорошо...

– А с мозгами лучше, – закончил за полковника Демин. Потом немного помолчал и добавил: – Может, и правда, снять груз с души? Тянет, Лев Иванович, за самое нутро тянет.

– Раз тянет – расскажи. Увидишь, сразу легче станет.

Олег разлил по стаканам кипяток, опустил в воду пакетики на ниточках, распаковал гостинец и вздохнул:

– Эх, жалко такое угощение рассказом мерзким поганить.

– Лопай сперва, я никуда не тороплюсь, – рассмеялся Гуров. – Смешной ты, Демин. Тридцатник разменял, а сладостям как пацан пятилетний радуешься.

Минут пятнадцать болтали о пустяках: Демин хвалился удачной рыбалкой, новыми удочками и какой-то совершенно невероятной блесной, полученной от соседа-рыбака. Гуров рассказал пару комичных историй про своего напарника Стаса Крячко. Когда стаканы опустели, Олег убрал со стола и предложил:

– Прогуляемся? Погода позволяет.

Поняв, что тот не желает начинать разговор в стенах учреждения, Лев сразу согласился. Далеко они не пошли, пересекли проезжую часть и устроились на скамейке.

– Знаю, Лев Иванович, жалоб на коллег вы не выносите, но так уж сложилось, что для облегчения души мне придется жаловаться, – закуривая, начал Олег. – У нас на районе инци-

дент произошел. Пять дней назад на подведомственной нам земле произошло преступление. Убийство в Терлецком парке, может, слышали?

Гуров отрицательно покачал головой, мол, не слышал, и Демин продолжил:

– Этому преступлению предшествовал другой инцидент. Вернее, некое событие. Нет, скорее инцидент сам является отправной точкой. Черт, как язык связало! Короче, в тот день в парке произошла попытка изнасилования. Жертве насильника удалось добраться до нашего отделения. А потом ее обвинили в убийстве. Наш следователь обвинил, а я с этим не согласен. Вот! Все-таки сказал.

– Сказал – молодец. А теперь медленно, спокойно и с самого начала, – потребовал Гуров. Демин собрался с силами и со второй попытки рассказал все.

Первого октября, примерно в пять тридцать утра, в Перовский отдел прибежала девушка, на вид лет двадцати – двадцати двух. Демин как раз внизу, в дежурке был. Состояние девушки говорило само за себя: обуви нет, одежда в пыли, в длинных волосах трава и листья. Руки судорожно сжимают борта модного пальто, пытаясь скрыть наготу. Какое-то время девушка не могла произнести ни слова: она глотала воздух, шевелила губами, но, то ли от перенесенного потрясения, то ли от быстрого бега, звук не шел.

Дежурный сразу за трубку схватился, медиков вызывать. Ясно же: девушка в шоке, надо срочно ее из этого состояния выводить. Но пока медики приехали, она сумела взять себя в руки и рассказала-таки, что случилось. Нападения на женщин с целью совершения насилия – ситуация не редкая, можно сказать, обыденная, как ни прискорбно это звучит. А вот чтобы жертва сумела спастись – достойно уважения, про такое нечасто услышишь. Звали девушку Светлана, это Демин еще до медиков успел выяснить. И место, где произошло нападение, она тоже успела указать.

Дальше все по схеме: доложили дежурному следоку, собрали опергруппу для выезда, подтянули экспертов из лаборатории. Выехали и через десять минут были уже в парке. Место нашли быстро, следов там немерено осталось, и кусты поломанные, и обувь Светланы. Эксперты начали свою работу, а Демин отправился периметр обходить. Тут-то на насильника и наткнулся. Мужчина лежал лицом к небу, глаза открыты, подбородок обвис. С первого взгляда понятно – мужчина мертв. Демин чертыхнулся и позвал следователя.

Тот, в свою очередь, подтянул экспертов, которые обнаружили на затылке мужчины травму, от которой, по их мнению, мужчина и скончался. Следователь моментально потерял интерес к месту преступления, велел операм дорабатывать самостоятельно и рванул в отдел. Демин остался на месте, а когда приехал в отдел, узнал, что жертву насилия, Светлану Рассулову, обвиняют в непредумышленном убийстве. Хороша новость! Девушка чудом избежала одной беды и тут же вляпалась в другую. Чудовищная несправедливость. Но хуже всего было то, что Светлана и сама считала, что вполне могла убить насильника. По глупости и наивности, она эту мысль следователю высказала, а тот и рад: считай, от «висяка» избавился.

Демин же с мнением следователя соглашаться не спешил. Слишком много нюансов, противоречащих версии следователя, так он считал. Три дня Олег капал следователю на мозг, пытаясь заставить рассмотреть и другие версии, но тот и слушать не хотел. Закончилось тем, что следователь прямым текстом послал его куда подальше, убедил начальника отдела отстранить Олега от расследования и начал готовить документы для передачи прокурору.

– Ну, и чего же ты хочешь от меня? – выслушав Демина, спросил Гуров.

– Надавите на следователя! – выпалил Олег. – Пусть проведет расследование по всей форме. В конце концов, это его долг!

– Громкими словами бросаться мы все горазды, – покачал головой Лев. – Почему сам не надавишь?

– Да как? Он ведь старше по званию, к тому же меня отстранили, помните?

– Проведи независимое расследование. Найди неопровержимые доказательства и с ними иди к следоку.

– Вам легко говорить, у вас иммунитет, а меня за такие фокусы из ментовки мигом попрут. Куда я тогда? На автомойку?

– Почему именно на автомойку? – улыбнулся Гуров, идея Демина его развеселила.

– Друг у меня там заправляет. Три автомойки держит. Я ведь этот вариант, с независимым расследованием, уже обдумывал. Погонят, думаю, пойду к Сереге на автомойку. Все лучше, чем молчать, когда невинных людей в тюрьму сажают. А тут вы.

– Вовремя на горизонте появился? И сразу тема с автомойкой отпала. Да, брат, хорош!..

– А что делать-то, если он вообще ничего слушать не желает?

– Есть что сказать?

– Неопровержимых улик нет, но несостыковок хватает.

– Поступим так, – подумав, предложил Гуров. – Ты мне все выкладки предоставишь, я проанализирую, если нужно, соберу дополнительную информацию. И если после этого мое мнение совпадет с твоим, пойду сам к следователю, дам полный расклад и мягко намекну, чего от него жду. Ну, а если твои предположения не оправдаются, то не обессудь.

– Справедливо, – довольно потер руки Олег. – Сейчас выкладывать?

– Выкладывай, куда от тебя денешься.

Светлане Рассуловой, жертве нападения, было двадцать четыре года. Работала она лаборанткой в Медицинском клиническом центре, расположенном недалеко от Терлецкого парка. Через этот парк ежедневно ходила домой, любила пешие прогулки, да и на дорогу в объезд время и деньги тратить не хотела. Семьи у Светланы не было, однокомнатную квартиру помог купить отец, еще когда ей едва шестнадцать исполнилось. Как знал, что до совершеннолетия дочери не доживет, позаботился заранее. Самой Светлане на жилье вовек не накопить, зарплаты у лаборанток смешные, а работа ей очень нравилась. Отец с детства ей твердил, что по жизни заниматься нужно любимым делом, чтобы жизнь не опостылела, вот она его завет и исполняла.

В тот день Светлана освободилась пораньше, работы было немного, и добрый начальник отпустил девушек домой. В приподнятом настроении она шла привычным маршрутом и уже прошла почти весь парк, когда услышала за спиной шаги. Значения не придавала, через парк многие ходили, а то, что время раннее, так что с того? Она-то вот идет раньше обычного, почему бы другим не ходить?

Заволновалась только тогда, когда тот, кто шел позади, на бег перешел. С чего бы ему бежать, пронеслось в голове. Светлана оглянулась, увидела парня, подумала, что спортсмен, и успокоилась. Но шаг, на всякий случай, прибавила. Только это не помогло. Спустя несколько минут парень ее нагнал и с ходу в кусты толкнул. От неожиданности девушка даже испугаться не успела, а он навалился сверху и давай одежду на ней рвать. Тут до Светланы дошло, что сейчас произойдет.

«Ну уж нет, так легко я тебе не дамся», – пронеслось в голове, и она начала отчаянно сопротивляться. Сколько они так боролись, Светлана сказать не смогла. Дважды ей удавалось вырваться, но уйти далеко не получилось, лишь глубже в кусты залезла. В последний раз она успела встать, так как насильник в собственных штанах запутался. Когда он справился с одеждой и нагнал ее снова, она в отчаянии толкнула его со всей силы. Тот поскользнулся на мокрой от росы траве, упал навзничь и замер.

Светлана не мешкая бросилась на тропинку и понеслась вперед со скоростью света. Только потом сообразила, что бежит не к дому, а в обратном направлении. Когда из парка выбралась, вспомнила про отделение полиции, мимо которого не раз проходила, направляясь на работу и с работы. Туда ее ноги и понесли.

Дальше рассказ Демина содержал подробности осмотра места происшествия. По его словам получалось, что помимо следов от обуви Светланы и самого насильника эксперты выделили еще минимум одну пару следов. Судя по отпечатку, принадлежали они довольно высокому и крепкому мужчине. Сказать точно, был ли этот мужчина на месте преступления в момент его совершения, эксперты не брались. Может, раньше, может, позже, не определишь. Что примерно в тот же временной отрезок – это наверняка, но диапазон времени варьировался с интервалом в тридцать минут, а то и в час. Уликой найденные следы не назовешь, но на заметку Демина этот факт взял.

Следующий момент, который его насторожил, – это характер раны. Таких ран он повидал десятки, ему и без экспертов было понятно: чтобы пробить дыру в черепе, сила определенная нужна. Нет, камни в том месте встречались, конечно, но чтобы так точно на острие попасть, нужно особое «везение». Сомневаясь в своих познаниях в области судебной медицины, Демина отправился к патологоанатому.

Поздновато пришел, с патологоанатомом уже следак поработал, и тот сперва вообще общаться отказался. Но Олег знал, чем местного эксперта подмазать. В итоге тот, под большим секретом, сообщил: чтобы такую рану получить при падении, нужно либо с высоты пятого этажа лететь, либо иметь силу в руках, как у здорового мужика, и лупить прямо черепушкой по камню. В принципе, Демина и сам к такому выводу пришел, но следователь велел эксперту личные выкладки оставить при себе, а из отчета явствовало только то, что смерть наступила в результате черепно-мозговой травмы.

Третьим пунктом в доводах Демина шел нож. Не ширпотреб из хозяйственного магазина, а эксклюзивная вещица. Лезвие широкое, но короткое, с желобком для стока крови. Ручка наборная, в виде дракона. Такой в магазине не купишь и бросать без надобности не станешь, из чего он сделал вывод, что нож принадлежит покойному. Но вот что интересно: Светлана про нож ни слова не сказала. Сообщила ли она о нем следователю, Демину узнать не удалось. Из тех, у кого он мог узнать подробности допроса Светланы, никто приказ следователя нарушить не решился. Так что эту информацию Гурову предстояло выяснить самостоятельно.

Нож Гурова заинтересовал еще и потому, что личность насильника – трупа установить до сих пор не удалось. Почему следователь не воспользовался таким прекрасным шансом, Льву было непонятно. Ведь ясно же, нож наверняка резали на зоне. Отсюда вывод напрашивался сам собой: владелец ножа как-то связан с уголовной средой. Почему не поискать в этом направлении? Нет, понятно, что отпечатки по базе проббили, и, раз личность не установлена, сам покойный вроде не из сидельцев. Но все равно найти его по этой зацепке шанс был.

И все же взяться за дело Гурова убедили не доводы Демина, а визит к патологоанатому. Седовласый старик, каким предстал перед Гуровым патологоанатом, оказался сорокалетним весельчаком по фамилии Уберман. С Абрамом Абрамовичем Гурову работать не приходилось, а вот Уберман о Гурове был наслышан, и только поэтому встреча их прошла в дружеской обстановке и принесла соответствующие плоды. Из «глубочайшего уважения к заслугам мэтра», как выразился Уберман, он раскрыл перед полковником все карты. Правда, с оговоркой, что против следака не пойдет ни под каким предлогом. Гурову стало интересно, чем же простой следователь может держать чуть ли не весь отдел, и Уберман поделился информацией.

Оказалось, что начальник отдела своим назначением обязан целиком и полностью этому самому следаку. Как так вышло, история умалчивает, но после назначения следователь получил карт-бланш на все: от выбора отпускного времени до порядка ведения любого дела. С теми, кто пытался идти против фаворита нового начальника, не церемонились. «Строгачи» с записью в личное дело – всего лишь цветочки. Пару-тройку сотрудников успели уволить, пока до личного состава Перовского отделения полиции не дошло – от Вакулова лучше держаться подальше. Вот они и держались.

Состояние трупа, осмотр которого Уберман позволил произвести Гурову, говорило само за себя. В том, что при падении с высоты человеческого роста подобной травмы не получить, сомнений не было. Да и хрупкая девушка весом чуть больше сорока пяти килограммов вряд ли могла толкнуть молодого крепкого парня настолько сильно, чтобы тупой камень врезался в черепную коробку и там остался. Спрашивать, почему следователь Вакулов проигнорировал этот факт, было лишним. Представить дело как самооборону и вытекающее из нее непредумышленное убийство устраивало следователя куда больше, чем многодневные поиски третьего лица.

Через того же Убермана Гуров узнал, что девушке назначили бесплатного адвоката из начинающих. Дмитрий Сычев приходил к Уберману, задавал вопросы, осматривал труп и все записывал на диктофон. Видно, бумага у молодежи доверия не вызывала. В присутствии адвоката патологоанатом старался помалкивать, выдавая информацию скудными односложными фразами. Кому охота, чтобы тебя за собственные откровения подтянули? По словам Убермана, ушел Сычев ни с чем. Поблагодарив его, Лев отправился на поиски адвоката.

Сычева нашел быстро, и на встречу тот согласился легко, даже не спросив, что именно интересует полковника угрозыска. Место встречи (возле Терлецкого парка) должно было дать наводку относительно темы предстоящего разговора.

Так и вышло. К центральному входу в Терлецкий парк адвокат примчался за считанные минуты. Увидел Гурова, замахал приветственно рукой и первым начал разговор:

– Здравия желаю, товарищ полковник! Я ведь не ошибся, вы Гуров?

Речь звучала несколько фамильярно, будто они уже лет десять как знакомы и отношения давно вышли за рамки деловых, но Лев предпочел не заострять на этом внимание. Главное, что настрой у адвоката боевой и дружественный, остальное – лирика.

– Не ошиблись, – пожал он протянутую руку. – Спасибо, что согласились на встречу.

– Не думаю, что кто-то на моем месте вам отказал бы. – Улыбка стала еще шире. – Мы ваши дела на протяжении всего курса обучения штудировали. Так что я с вами вроде как лет семь заочно знаком.

– Так вот откуда этот тон, – не удержался Лев от комментария.

– Тон? Нагличаю, да? Простите, привычка дурная. Преподаватели на курсе меня за это ругали-ругали, но отучить так и не смогли. А я вот думаю, что когда-нибудь мне эта привычка хорошую службу сослужит. Не всем же официоз нравится. Есть люди, которым с простыми смертными проще тайной поделиться, верно я мыслю?

– Уверен, вы над этим много размышляли, – уклонился от ответа Лев. – Догадались, о чем пойдет речь?

– О Рассуловой, конечно. – Сычев указал рукой на ворота: – Пойдемте, прогуляемся до места «икс». Там мало что осталось, но общую картину мы все же увидим. Что не увидим, я дорисую, – и двинулся вперед, на ходу вводя Гурова в курс дела. – Рассулова совершила глобальный промах, когда начала откровенничать со следователем, но откуда ей знать, как работает система. Девушка совсем молодая, опыта в подобных делах никакого. И подсказать некому. Вы знаете, что она совсем одна? Ни родителей, ни сестер-братьев. Подруг и то толком нет. Живет своей работой, изредка с коллегами выходит в свет. Концерты, театр, кино – вот и все развлечения. Начальство ее ценит за ответственность и кропотливость в работе. Вообще, насколько я понял, специалист она неплохой. Жаль, учиться дальше не хочет, из нее вышел бы отличный ученый.

– Откуда такие выводы?

– Память у нее прекрасная. Представляете, в каком она состоянии была во время нападения? А такие подробности помнит, точно на пленку записала.

До самого места нападения Сычев болтал не умолкая, Гуров даже утомился его слушать, но останавливать не стал. Парнишка ему нравился, и хватка у него явно соответствовала

выбранной профессии. «Если не зарвется, станет отличным адвокатом», – сделал свои выводы Лев.

Как только добрались до места, тон Сычева изменился. Легкость и расслабленность улетучились, их сменила деловитость и сосредоточенность. Рассказ он вел профессионально, сыпал деталями, обращал внимание на мелочи и незначительные нюансы. В целом картину обрисовал красочно, будто сам присутствовал при нападении. Версию Демина о том, что на месте происшествия был кто-то помимо насильника и жертвы, высказал с такой уверенностью, словно уже знал имя третьего лица.

– Вот здесь он ее догнал. Видите, следы от ботинок Светланы все еще видны на асфальте? Представляете, с какой скоростью он на нее налетел? Две четкие полосы, без лупы видны. Кусты поломало в одном месте, а ботинки нашли чуть дальше. Это он ее уже по земле тащил. Дальше пуговицы нашли, по фоткам восстановил. Вот здесь, здесь и здесь. – Сычев указал места, где эксперты собрали пуговицы. – Отлетели недалеко, потому что ветки задержали. Потом Светлане удалось выскользнуть из его рук. Это когда насильник на свои штаны отвлекся. Подняться она не успела, насильник ухватил ее за волосы, подтянул к себе, кофточку порвал, а она его пяткой по коленной чашечке ударила, не сильно, но попала в нужное место. Какое-то время выиграла, пока он рукой колено тер. Снова выскользнула, отползла метра на три, но подняться так и не смогла. От страха, наверное. Ноги не держали, так она сказала.

Во время рассказа Сычев уверенно передвигался по парку, пока не дошел до места, огороженного сигнальной лентой.

– А здесь нашли тело, – сообщил он Гурову. – Я специально вас сначала сюда привел, чтобы вы увидели, как далеко находится место, где нашли тело, от того места, где Светлане удалось от насильника сбежать. Теперь идем дальше.

Пройти пришлось метров двадцать. Гуров с удивлением рассматривал место, которое Сычев определил как отправную точку, с которой началось спасение жертвы.

– Почему вы думаете, что Светлана бежала именно отсюда? – спросил он.

– Видите, как кусты поломаны? Это она через них продиралась. Частицы одежды до сих пор на ветках.

Лев присмотрелся и увидел обрывки ткани бирюзового цвета.

– Это ее кофточка зацепилась за ветки. Здесь же она его и толкнула. Сильно, но не смертельно. Видите, кора у березы розоватого цвета? Это кровь насильника, я на экспертизу образец сдавал. На независимую экспертизу.

– Результаты у вас?

– Разумеется, но об этом позже, хочу поделиться своей версией. Здесь Светлане удалось от насильника сбежать. Бежала она сперва по кустам, потом только на дорогу выскользнула, метрах в пятидесяти отсюда. Но насильника точно здесь оставила. Откуда знаю? Она это место описала. Одиноко стоящая береза, рядом пенек небольшой, диаметром не больше чайной чашки. Слева куст дикого шиповника, справа и чуть в стороне – три елки в ряд. Видите их?

– И все это Светлана запомнила, когда убегала? – Гуров был впечатлен.

– Ага. Говорю же, память у нее не просто фотографическая, она как видеокамера. В таких подробностях место описать – уму непостижимо. Она даже про цветы пожухлые, которые возле пенька растут, и то не забыла сказать. И цвет, и размер, и форму описала.

– Да, всякое я в жизни видел, но о таком даже не слышал, – покачал головой Лев. – И как ей это удалось?

– На подкорке осталось, – уверенно заявил Сычев. – Она ведь не сразу все это вспомнила и выложила. Мы с ней работу провели нештучную, чтобы все это в памяти восстановить.

– То есть этой информации у следователя нет, – подытожил Лев.

– Нет, конечно. Стану я раньше времени с ним делиться. Я все это для суда припас.

– А мне, значит, выложили?

– Вы ведь на Светланиной стороне, потому и рассказал. – Подтверждения своему предположению адвокат не ждал.

– С чего вдруг? – поддразнил его Гуров.

– Потому что вы всегда на стороне обездоленных. Ну, и за правду, – заявил Сычев. – А это значит, что вы автоматически встаете на нашу сторону.

– Вы уверены, что Светлана невиновна?

– А вы еще сомневаетесь? – Сычев даже удивился, для него этот вопрос казался решенным.

– Мне нужна встреча с девушкой, – твердо проговорил Лев. – И как можно скорее.

– Как адвокат я могу встречаться с клиентом в любое время, но вы же знаете, как работает бюрократический аппарат, – вздохнул Сычев. – Вас смогу провести только завтра.

– Тогда завтра и встретимся, – кивнул Лев, развернулся на сто восемьдесят градусов и быстрым шагом пошел из парка.

Сычев такого поворота не ожидал и от неожиданности не сразу сообразил, что встреча их подошла к концу. Минуты три он стоял на месте, затем бросился догонять полковника. На полпути затею бросил, перешел на медленный шаг, потом вдруг остановился, поднял глаза к небу и мечтательно произнес:

– Это дело принесет мне удачу. Кто бы мог подумать, что свое первое дело я буду вести на пару с легендарным Гуровым? Эх, только бы он не передумал!

Но в глубине души он был уверен, что Гуров не передумает, а это значит, что Светлана Рассулова в свои двадцать четыре года не попадет в тюрьму за преступление, совершенное другим человеком.

Глава 2

Память у Светланы Рассуловой действительно оказалась феноменальной, в этом Гуров получил возможность убедиться лично. Адвокат Сычев позвонил ему на следующий день ровно в восемь. Каким-то непостижимым образом ему удалось в столь ранний час утрясти все формальности и добиться разрешения на посещение подзащитной, так что в восемь сорок пять Гуров уже сидел в помещении следственного изолятора и беседовал с подозреваемой.

Самообладание девушки вызывало уважение. Совсем молоденькая, явно впервые попавшая в жернова пенитенциарной системы, она держалась с достоинством. Голова высоко поднята, смотрит прямо и открыто, руки держит на столе, и при этом никаких нервных движений типа ерзанья на стуле или барабанной дроби пальцами по столешнице. Ни слез, ни гримас, ни вздохов.

Начал Гуров с того, что обозначил свой статус. Девушке он представился по всей форме, но пояснил, что в деле выступает не как официальное лицо, поэтому отвечать или не отвечать на его вопросы – решать ей. Светлана выслушала его и перевела взгляд на адвоката. Тот уверенно кивнул, и девушка, расслабившись, попросила начинать, а она, мол, по ходу определится. «Доверчивая слишком, – сделал вывод Лев. – И в этом Сычев не ошибся: так безоговорочно принимать мнение назначенного адвоката? Ох, и нахлебается девчонка».

Начало беседы он выбрал нейтральное. Поговорили о родственниках Светланы, о ее работе, о привычках и пристрастиях. Вскользь коснулись темы поклонников, но быстро от нее ушли. Не то чтобы Светлане эта тема была неприятна, просто говорить там было особо не о чем. В свои двадцать четыре года она не имела опыта серьезных отношений с мужчиной, о чем прямо и заявила Гурову, после чего тема исчерпала сама себя.

Об убитом Светлана заговорила сама, видно, терпения не хватило. Называла его не иначе, как «этот человек». Узнали ли они его имя? Имеет ли семью, детей? Действительно ли его смерть наступила мгновенно, или адвокат щадит ее чувства? Что будет с телом, если так и не найдутся родственники? Вопросы ставила так, что становилось понятно: в смерти насильника она винит себя. Никаких сомнений на этот счет у нее не возникало. Кто же, если не она? Тот факт, что он намеревался причинить ей вред (и это если мягко выразаться), девушка почему-то игнорировала.

Такая ситуация раздражала адвоката, но он молчал, отдав бразды правления полковнику. Гуров терпеливо отвечал, а когда ее вопросы иссякли, понял, что девушка готова отвечать на его вопросы, и задал свой:

– Как думаете, сможете рассказать, как все случилось?

– О том, как он на меня напал, или как я его убила? – На последнем слове голос дрогнул, и Лев понял, что самообладание дается девушке не так легко, как это выглядит со стороны.

– Давайте договоримся так: пока судья не огласил приговор, не объявил вас виновной в смерти человека, вы больше не станете произносить эту фразу, – после непродолжительной паузы потребовал он. – Презумпция невиновности распространяется на каждого гражданина Российской Федерации. Будь сейчас на вашем месте насильник, и беседуй я с ним, он тоже имел бы право не называть себя насильником, так как этот факт еще не доказан и опирается только на ваши показания. Вам известно, что такое презумпция невиновности?

– Разумеется. Это известно всем, – нервно повела плечами Светлана.

– Тогда вы должны знать, что подозреваемый, или обвиняемый, не обязан доказывать свою невиновность. Это бремя лежит на стороне обвинения. Вам смысл фразы ясен? Невиновность вы не должны доказывать, тем более брать на себя ответственность за доказательство вины. Скажите, вы видели, как насильник испустил последний вздох? Проверяли отсутствие пульса и дыхания после его падения? Осмотрели рану и зафиксировали ее тяжесть? У вас

достаточно профессионализма, чтобы определить причину смерти? Ну, отвечайте! – Лев по непонятной даже ему самому причине разозлился не на шутку.

– Нет, нет, нет! Ничего подобного я не сделала! Как, по-вашему, я могла это сделать? Он упал, я поняла, что это мой шанс, и побежала. Считаете, мне нужно было остаться? Пошупать его пульс, сделать искусственное дыхание, зажать рану своей кофточкой. Вернее, ее остатками, все равно ведь он ее всю в клочья изорвал! Шарил своими потными ладонями по моей груди, комкал блузку и рвал. Комкал и рвал! Мерзость! Какая же мерзость!

Светлану начало трясти, она обхватила плечи руками и стала раскачиваться из стороны в сторону, при этом не произнося ни звука.

– Так-то лучше, – совершенно неожиданно улыбнулся Лев. – Я уж подумал, что вы из гранита сделаны. Такая реакция куда естественнее.

– Боже, как я вас ненавижу! – выпалила девушка.

– Так и должно быть. Вы должны меня ненавидеть. Ненавидеть только за то, что я принадлежу к тому же полу, что и ваш насильник. И адвоката своего должны ненавидеть, и всех других мужчин. Сейчас. Временно. Потом это чувство пройдет, но не сегодня. И не завтра. Вы должны переболеть этим чувством. А самое главное, что вы должны уяснить, – даже если этот подонок умер от ваших рук, он это заслужил. Не он жертва, а вы. Он – насильник. Мерзавец и подонок, которому не место в здоровом обществе. А вы – жертва. Жертва насилия, которой чудом удалось избежать трагедии. Ведь так?

– Так. – Светлана подняла глаза и посмотрела на Гурова. Взгляд ее изменился, в нем появилась надежда. Не ледяное самообладание, а простая человеческая надежда. Взгляд слабой женщины, ищущей защиты у сильного мужчины.

– А раз так, будем разбираться. Возвращаясь к вопросу: я хочу услышать рассказ с самого начала. С того момента, как вы вышли из здания Медицинского центра, и до того момента, как оказались в отделении полиции.

Светлана уперла взгляд в стену где-то позади полковника и начала вспоминать.

Тот день для нее был очень удачным. В лабораторию пришел срочный заказ из области. Не банальные общеклинические исследования мочи и кала, не гематологические исследования крови, и даже не цитологические анализы эндоскопических материалов, а исследования на генные полиморфизмы. Мутация по Ляйдену, мутация ингибитора активатора плазминогена, мутация метионинсинтетазредуктазы... Звучит и то как песня, а уж поработать, поломать голову над сложной задачей – просто мечта! И эта мечта досталась не кому-то, а ей, Светлане! Начальник лаборатории так и сказал: иди-ка, Светик, помозгуй над проблемой, тебе это по силам. Ей по силам! Это же высшая степень доверия.

И Светлана расстаралась. Недельную работу за шесть часов выполнила. Результаты в формы занесла и начальнику на стол. Тот только головой покачал, мол, знал, что Рассулова сотрудник обязательный и работает оперативно, но чтобы настолько... Похвалил при всех, посоветовал брать с девушки пример и не преминул обозначить, что благодаря Светланиной работоспособности ее коллеги получают возможность завершить рабочий день почти на четыре часа раньше положенного. После такого заявления даже самые завистливые языки прикусили, без привычных поддевок рассыпались в похвалах, а потом домой засобирались.

Собралась и Светлана. Попутчиков у нее не было, ездить на такси в одиночку – дорого. Для прогулки по парку рановато, но ведь дорога знакомая, сколько лет она по ней ходит, и ничего. Залезла в кошелек, пересчитала наличку. Вопрос решился сам собой: до зарплаты десять дней, а денег кот наплакал. В этом месяце она существенно порастратилась: ботики, новые джинсы, да еще раритетное издание по медицине. Все это вылилось в копеечку, так что о такси можно забыть.

Вышла на улицу, поежилась. Темно, сыро, и ветер прохладный, совсем не дружелюбный. Снова мелькнула мысль: Наталка Звонкина в ее районе живет, может, ей предложить на такси

скинуться? Уже собиралась вернуться, но вспомнила, как та хвасталась, что за ней, мол, новый кавалер на крутом джипе прикатит. Напрашиваться в попутчики – это будет наглость. Так и пошла одна.

До парка успела согреться, ходьба быстрым шагом хорошо бодрит, да и настроение поднимает неплохо. Пешком ходить Светлана любила. Идешь себе, планы строишь или просто мечтаешь о чем-то приятном. Так и время быстрее бежит, и для здоровья польза. На этот раз мечты завели ее в город Тель-Авив, где творит чудеса в репродуктологии профессор Шелиах. Вот бы хоть недельку у него попрактиковаться. Пусть не у него самого, а в его лаборатории. Хоть просто поприсутствовать, и то какая польза, какой опыт!

Работы профессора Шелиаха Светлана изучала лет пять и с каждым годом восхищалась ими все сильнее. Шелиах стал Светланиным кумиром, она разве что не боготворила его. В Тель-Авив попасть мечтала исключительно ради того, чтобы воочию профессора увидеть, получить возможность оценить его ум и неординарные хирургические способности. Деньги копила, от дополнительных смен не отказывалась, на дому калымила, соседям системы и уколы ставила. Но до исполнения заветной мечты было еще далеко, так что пока оставалось только мечтать.

Шаги за спиной она услышала, но не зафиксировала. Ну, шаги и шаги, эка невидаль. Даже когда тот побежал, не сильно заволновалась. Страх пришел позже, после того, как от удара через куст перелетела, а этот гаденыш сверху навалился. Зрочки бегают, левая бровь тиком пошла, и руки потные. Он ими под пальто лезет, до тела добраться пытается, а в глазах безумие плещется.

Но самое ужасное не то, что липкая плоть по бедрам трется, и не разорванная в клочья кофточка, самое ужасное, что лицо не прячет. А что это может означать? Все? Дальше ничего, только конец? Будь у него другие планы, маску бы надел или еще какую-то маскировку придумал, а тут все в открытую. «Боже, как жить хочется! Пусть бедно, пусть плохо, но жить!» Мысли мелькали как-то отстраненно, будто вдали, будто чужие.

И вдруг он имя ее неожиданно начал называть. Ласково так, интимно. Светик, Светлячок, так ее только отец называл, да и то в глубоком детстве. От этого еще гаже стало, злость появилась. Она и помогла в конечном итоге. Ах ты, гаденыш, на самое дорогое, на воспоминания об отце покусился! Рванулась, коленом в пах, он взвизгнул, как поросенок, и в сторону откатился. Пока не очухался, она вскочила – и бегом. Догнал, только она уже была готова – сколько сил осталось, все в удар вложила. Била почему-то в грудь. Двумя кулаками, кувалдой сложенными. Он не устоял, поскользнулся на траве и о ствол березовый затылком приложился.

Упал и затих. Ей показалось, дышать перестал, только в тот момент не до него было. Одна мысль мозг сверлила: бежать, бежать, бежать! Она и побежала. К шагам не прислушивалась, просто летела вперед, и все. Падала, вставала и снова бежала. Когда через лазейку в заборе на освещенную улицу выбежала, заставила себя остановиться, пальтишко на груди стянула, пуговиц-то нет. Волосы поправила и быстрым шагом по улице пошла. Память услужливо подсказала, в какую сторону идти.

Прохожие от нее как от чумной шарахались, ни один помощь не предложил. Машины мимо едут, пешеходы по своим делам спешат. И все мимо. Сперва обидно стало. Как так? Она от смерти чудом спаслась, а они такие равнодушные. Нельзя же так! Потом даже обрадовалась. Расспросы и любопытные взгляды, по ее полуголому телу шарящие, она бы точно не выдержала. А в отделении никого своим видом не удивила, уж они всего насмотрелись, и похуже бывало.

Эмоции Светлана выплескивала около часа, потом детали пошли. Показалось ли ей, что насильник знал ее лично? Наверное, знал. Имя ведь называл. Уверена ли, что имя, а не просто ласковые прозвища? Да кто теперь угадает? Ножа при насильнике не было, это точно. Руки

его по телу шарили, где там нож держать? Разве что в пиджаке. Такой вот интеллигентный насильник ей достался. В водолазке и в пиджаке.

Про пиджак Гуров отдельно уточнил. Он наизусть помнил перечень личных вещей, найденных на месте преступления и непосредственно на погибшем. Пиджак в их число не входил. Светлана же утверждала, что пиджак был. Черный, с отделкой на нагрудных карманах и шелковой подкладкой того же цвета. Так уж вышло, что запомнила.

Еще одна деталь, врезавшаяся в память девушки: специфический запах, исходящий от одежды насильника. Тошнотворно-сладкий с горчинкой, очень знакомый. Может, у них в лаборатории какой-то реактив так пахнет, точно сказать девушка не могла. На подкорке запах засел, а ассоциация не приходила. Но нюхать насильника Гуров ей предлагать не стал. Девушке и так досталось, незачем стресс усугублять. Если уж необходимость в этом появится, тогда и поговорим.

В общем и целом встречей Лев остался доволен. Поблагодарил за сотрудничество, напомнил про обещание не брать на себя вину раннее положенного, на этом и расстались. Адвокат с расспросами лезть не стал, проявил корректность. У ворот руку пожал и по своим делам отправился. Лев же поехал в отдел.

В кабинете в этот день было тихо и пусто. Крячко, ввиду отсутствия текущих дел, выпросился в отгул. Его стол, непривычно чистый, притягивал взгляд. Накануне Стас весь день бумаги перебирал, сортировал документы и по папкам распахивал. Папки в сейф убрал, кое-что в ящики стола распахнул, да еще тряпку у уборщицы выцыганил, натер столешницу так, что смотреть больно. Одним словом, подготовился к выходному.

У Гурова же, напротив, стол ломился от бумаг, раскрытых папок и формуляров. Чтобы привести мысли в порядок, он решил последовать примеру товарища. Не спеша начал собирать исписанные листы, подшивать к делам протоколы, заполнять формуляры. Но все это между делом. Главной его заботой была история Светланы Рассуловой. Вот вроде все банально, все просто до безобразия, а что-то корябает, покоя не дает.

Допустим, насильник знал жертву. Такое нередко случается. Ходит озабоченный мужчина вокруг женщины, смотрит на нее изо дня в день, а потом вдруг решает, что пришел тот час, когда она должна стать его. В мозгу переключивается, или что-то в этом роде, так психиатры говорят. Осень – сезон подходящий. В осеннюю непогоду у шизиков обострения – обычное дело. Вот и у этого обострение случилось.

Что из этого предположения можно вынести? Произвести проверку психически неуравновешенных мужчин, состоящих на учете в психдиспансерах. Благо можно фото предъявить, а не на пальцах объяснять, кого он ищет. Интересно, озаботился ли этим следователь? По идее, должен был, ему ведь нужно личность устанавливать.

Относительно личного знакомства насильника с жертвой, было бы неплохо в Медицинский центр съездить. Светлана мужчину могла и не заметить, а вот завистливые сослуживицы вычислить могли. Только на каком основании он туда поедет? Дело ведет другой отдел, и коллега Рассуловой либо уже допросили, либо начнут допрашивать на днях. Есть вероятность, что кто-то из «активистов» доложит следователю о внезапном интересе к делу Рассуловой полковника с Петровки. Ситуация получится неприятная. Выходит, остается одно: идти к следователю сейчас.

Номера личного телефона следователя Вакулова у полковника не было, поэтому он набрал номер Перовского отделения полиции и попросил соединить с Вакуловым. Предварительно представившись, разумеется. Вакулов трубку взял быстро, но тон, которым он начал разговор, показался Гурову настороженным.

– День добрый, Станислав Витальевич. Вас беспокоит полковник Гуров, коллега с Петровки.

– Мне передали, – сухо отчеканил Вакулов и замолчал, ожидая продолжения.

– Станислав Витальевич, хочу просить вас о личном одолжении. – Гуров надеялся, что у следователя не хватит наглости отказать ему в личной услуге, тогда как, пойдя он по официальному пути, тот мог затребовать официального запроса или чего-то в этом духе. – Сможете уделить мне десять-пятнадцать минут времени?

– В чем заключается суть одолжения? – не спешил сдавать позиции Вакулов.

– Не хотелось бы по телефону. Личная встреча более предпочтительна. Или это создаст проблемы? Если так, не беспокойтесь, я найду другой выход.

Фразу Гуров построил так, что ее можно было истолковать и как своего рода угрозу. Уловка сработала.

– Хорошо, назначайте место и время, – после минутной паузы согласился Вакулов.

– Могу подъехать к вам, – предложил Лев.

– Это лишнее. Встретимся на нейтральной территории. Недалеко от Садового кольца, если по Николаямской ехать, есть буфет-кафе. Кормят прилично и на полпути – что вам, что мне. Подойдет? – Говорил Вакулов быстро, уверенно, видно, не первый раз в этом общепите встречу назначал.

– Хорошо. Как скоро сможете подъехать?

– Буду через час.

– Ждите, постараюсь уложиться в этот же срок.

Когда Гуров вошел в кафе, Вакулов был уже на месте. В форме, при погонах и жутко серьезный. «Да, достался же мне фрукт. Вот Демин подсуропил», – мысленно вздохнул Лев. Таких типов, как Вакулов, он за время службы повидал. Гонора мешок, а как до дела доходит, так норовят в сторону уйти. Пусть, мол, дураки работают, а мы под шумок на их горбах свои звезды заработаем.

– Здравствуйте, Станислав Витальевич, – подойдя к столу, протянул он руку.

– Здравия желаю, товарищ полковник! – Руку Вакулов пожал, но неформальный тон не принял.

«Опасается, подвоха ждет, – догадался Гуров. – Впрочем, правильно ждет». Он выдвинул стул, сел напротив Вакулова.

– С вашего позволения, я обед закажу, иначе до вечера голодным ходить, – заявил тот и, подозвав официанта, продиктовал, не заглядывая в меню, перечень блюд, которые хотел бы видеть на своем столе.

Гуров от обеда отказался, заказав минеральной воды. Заказ ждали молча, даже про погоду не говорили. Вакулов делал вид, что усиленно следит за официантом, при таком раскладе начинать разговор было не с руки, так что Лев тоже молчал. Потом полчаса следователь расправлялся с обедом из четырех блюд, и только когда последний кусок вишневого пирога исчез у него во рту, он отодвинул поднос с тарелками на край стола и произнес:

– Вы сказали, вам нужна моя помощь?

– Не совсем так, – осторожно произнес Лев. – Скорее это я могу вам помочь.

– Вот как? Не знал, что нуждаюсь в помощи, – нахмурился Вакулов. – Хотелось бы услышать подробности.

– Вы ведете дело Светланы Рассуловой. Так вот, я ознакомился с материалами дела и считаю, что обвинение против девушки выдвинуто несколько преждевременно.

– Вот как? – удивленно протянул Вакулов. – Преждевременно. Могу я поинтересоваться причиной вашего любопытства?

– Это не любопытство. – Гуров начал злиться. – Вы знаете, что Рассуловой назначен адвокат без опыта ведения подобных дел. Это не означает, что свою работу он не стремится выполнить добросовестно. Он, как любой здравомыслящий человек, решил обратиться за помощью к тому, кто в таких делах имеет гораздо больший опыт.

– То есть к вам.

- Ко мне, – кивнул Лев.
- И вы ему помогаете.
- И я ему помогаю. И не только ему, но и Светлане, а в конечном счете, и вам.
- Я бы не назвал это помощью, – язвительно проговорил следователь. – Я бы назвал это вмешательством в дела следствия.
- У вас нет желания узнать, почему я считаю обвинение преждевременным?
- Если честно, такого желания у меня нет, но вы ведь все равно выскажетесь?
- Пожалуй, тут вы правы.
- Что ж, говорите.
- Сначала несколько вопросов, вы ведь не возражаете против вопросов?
- Задавайте, но не факт, что я посчитаю возможным на них ответить, – заявил Вакулов. – Разглашение следственной информации в органах не приветствуется, не так ли?
- Вопрос номер один: вы провели проверку психдиспансеров на предмет опознания личности?
- Эта информация конфиденциальная, – быстро ответил Вакулов, но по его тону Гуров понял, что никакой проверки не проводилось. Следователь попросту упустил эту возможность из вида.
- Думаю, такая проверка проведена не была, – вслух заключил Гуров. – А напрасно. По фото сотрудники диспансеров могут опознать своего пациента, если он проходил лечение достаточно часто. Не факт, конечно, но шанс есть. Считайте, я вам его подарил.
- Вакулов фыркнул, но промолчал.
- Вопрос номер два: на месте преступления был найден нож. Я не ошибусь, если скажу, что вещь изготовлена в исправительной колонии. Полагаю, по базе сидельцев вы тело не опознали, но по ножу можно найти если не самого погибшего, то его знакомых. Такие «подарки» просто так не делают.
- Хотите, чтобы я бегал по тюрьмам и зонам в поисках того, кто выточил нож? Зачем мне это?
- Затем, что это может помочь установить личность погибшего. Или вам и это неважно?
- Узнать имя того, кого убила Светлана Рассулова? Не думаю, что для следствия это важно. Прокурор вынесет приговор и без имени жертвы, – заявил Вакулов.
- Так он, значит, жертва? А Светлана – убийца? – Гуров едва сдерживался.
- Это решать прокурору. Я подготовил материалы, не сегодня завтра передаю дело в суд. Дальше не моя забота.
- Что со следами третьего лица на месте преступления? – перевел Лев разговор на другую тему.
- В парке гуляют тысячи людей, они оставляют десятки тысяч следов. И за каждым следом я должен видеть некоего третьего?
- Тело насильника нашли в двадцати метрах от того места, где оставила его Светлана. – Гуров уже понял, что ничего от следователя не добьется, но все равно продолжал. – В его черепе застрял булыжник. Адвокат легко докажет, что травма, несовместимая с жизнью, не могла быть нанесена девушкой.
- Вот пусть судье и доказывает, от меня-то вы чего хотите? – вспыхнул Вакулов.
- Пожалуй, уже ничего, – вздохнул Лев. – Жаль, что беседа оказалась настолько непродуктивной.
- Он поднялся и, не прощаясь, вышел из кафе. Вакулов что-то крикнул вслед, но Лев уже не слушал. Его возмущала создавшаяся ситуация. Как может сотрудник полиции, призванный защищать добропорядочных граждан от поползновений преступников, вставать на сторону насильника? И все это ради чего? Ради «галочки» в отчете? Бред, просто бред!

«Значит, будем действовать самостоятельно. Чтобы все было законно, привлечь Сычева, от его имени и действовать. Иначе самодеятельностью только навредим Светлане. Этот Вакулов тот еще прыщ. И прихват у него где-то наверху нехилый, сразу видно. Вон как нагло разговор ведет, а ведь знает, что я и званием, и регалиями повыше его. Значит, не боится нагоняя сверху».

Возмущался Гуров до самого Управления, а как порог кабинета переступил – выкинул из головы встречу со следователем. Незачем на него время тратить, действовать надо. Лучше бы успеть до того, как Вакулов свои писульки в прокуратуру направит. Как всегда, когда нужно было неофициальным образом покопаться в базах или нарыть информацию по конкретному запросу, он обратился за помощью к Валерке Жаворонкову.

Заданий для того оказалось достаточно. В первую очередь пройти по базам МВД, вдруг следователь пропустил совпадения, и насильник всплывет в списках судимых? Затем Жаворонкову следовало выяснить, где именно могли резать ножи в виде дракона, и узнать, можно ли по этой улике отследить ее владельца. Валера выслушал просьбу, прикинул в уме, сколько времени на это уйдет, и выдал вердикт:

– Раньше завтрашнего обеда результата не ждите, товарищ полковник.

– Ты работай, Валера, там разберемся. Все равно быстрее тебя никто не справится, – подбодрил его Гуров.

Жаворонков ушел, а он набрал номер Демина. Тот оказался на выезде, но, узнав, что полковник встречался со следователем, отложил все дела ради разговора с ним. Гуров дал Демину задание поискать у местных бомжей пиджак. Вещь солидная, практически новая, не может быть, чтобы она никому на глаза не попала. Если с места преступления пиджак забрал убийца, он мог его припрятать, но Лев склонялся к тому, что пиджаком соблазнились лица без определенного места жительства. Демин задание принял, пообещал держать в курсе новостей и вернулся к текущим делам.

Дальше Гурову оставалось два дела: опрос коллег Рассуловой и психдиспансеры. «Крячко не хватает, – подосадовал он. – Из свиристелок-лаборанток лучше Стаса никто сведения не выпытает». Пару минут совесть боролась с долгом, и, в итоге, долг победил. Отгул отгулом, а другу помогать надо. Он набрал номер Крячко.

– Лева, ты дня без меня прожить не можешь, что ли? – Знакомый голос в трубке звучал бодро.

– Стас, тут такое дело, – начал Гуров, но заканчивать ему не пришлось.

– Все ясно, опять доброхот вступил в действие, – захохотал Крячко. – Где на этот раз ты себе работенку подцепил?

– У Демина в Перовском отделении. Так вышло, Стас. Я не напрашивался.

– Да ты никогда не напрашиваешься. Знаешь поговорку: работа дураков любит? Так ты, Гуров, самый главный дурак. Она тебя не просто любит, она тебя преследует, – продолжал хохотать Стас.

– Я знаю. Так что, ты приедешь?

– Куда от тебя денешься? Ты в отделе?

– Да. Подъезжай, только генералу на глаза не попадайся, – попросил Лев. – Он тоже умеет работой желающих загрузить.

Глава 3

Долго Крячко ждать не пришлось, он влетел в кабинет в отличном расположении духа и с ходу начал говорить, как шикарно отдыхал до той минуты, пока злой напарник не лишил его этого удовольствия. Гуров, привыкший к эмоциональным всплескам друга, спокойно дал ему выговориться, после чего ввел в курс дела. Узнав, о чем идет речь, Стас тут же стал серьезным. Изучил показания девушки, сунул фото насильника в карман и отправился в Медицинский центр, где работала Рассулова.

Гурову предстояло общение с медиками, и не просто с медиками, а с психиатрами, которые врачебную тайну чтят почище закона. К ним просто так, с улицы, не придешь и не потребуешь выдать информацию о психе, который решил поразвлечься на досуге. Пусть этот псих и мертв, врачебная тайна – она и есть врачебная тайна. Поэтому он решил действовать иначе. Своим коллегам такую информацию выдают куда охотнее, рассудил он, значит, нужно найти авторитетного коллегу, который захочет помочь ему лично.

Полистав записную книжку, остановил выбор на давнем приятеле из Измайловского района. Арам Аракелян лет двадцать работал на одном месте в психиатрической больнице № 13. Когда-то Лев оказал Аракелян серьезную помощь, и с тех пор тот считал, что он в неоплатном долгу перед Гуровым. Как правило, Лев такими ситуациями не пользовался, не в его это привычках. Но тут без помощи Аракеяна он на самом деле обойтись не мог. Врач с таким опытом и авторитетом наверняка имеет вес среди коллег, к тому же Измайловский район находится не так далеко от Терлецкого парка, если мерить московскими мерками.

Услышав в трубке голос полковника, Аракелян рассыпался в приветствиях. Пять минут сыпал вопросами: как сам, да как жена-красавица, и все в таком духе. Потом все же поинтересовался, чего вдруг вспомнил старого приятеля. Гуров выложил все начистоту. Аракелян задумался. Пару минут из трубки доносились только сопение и вздохи. Затем последовало короткое: приезжай, и следом пошли гудки, Аракелян бросил трубку.

Попасть в психиатрическую больницу не так-то просто, даже если ты пациент, а уж выбраться из нее и подавно. И все же прецеденты случаются. Такой случай произошел у Арама на заре его психиатрической карьеры. Хитрости психам не занимать, а Араму всего-то чуть за тридцать перевалило. Его в столицу полгода как перевели. Уж какой у многочисленной армянской родни праздник был! Всем праздникам праздник! Отец направление о переводе на цветном ксероксе отпечатал и в рамку на стене повесил. Смотрите, каких высот мой Арамчик достиг.

И Арам радовался. Не так бурно, как родня, но все же... ровно до той поры, пока хитрюга псих с его помощью из «психиатрички» не сбежал. Обхитрил так, что у Арама до следующего утра сомнений не возникло. Ведь собственной рукой ему дверь открыл, еще и придержал, чтобы пружина тугая не мешала. Как? Да вот так. Левое крыло на капитальный ремонт закрыли, рабочие туда-сюда весь день снуют, стройматериалы носят. Псих тот раздобыл откуда-то рабочую спецодежду, мешок цемента на плечо и напрямик к временным воротам. Там встал, будто отдышаться не может, а сам Арама «пас», это Аракелян уже потом узнал. Арам ему дверь и открыл, надо же трудовому люду помогать. Тот поблагодарил кивком и нырнул в ворота.

Хватились психа часа через два. У Аракеяна смена закончилась, он уже дома спокойно отдыхал. Почему-то его на общую тревогу не вызвали, так что про чрезвычайную ситуацию он только утром узнал. А как узнал, сразу понял, кому с больничного двора уйти помог. На Гурова тогда через многочисленную родню вышел. Не уголовный случай, но отказать полковник не смог. И так сложилось, что именно Гуров психа вычислил и в больницу доставил. Быстро, надо сказать, доставил и тем самым спас подмоченную репутацию молодого психиатра.

Аракелян встречал Гурова у ворот. Автомобиль велел оставить на парковке перед зданием, внутрь и на служебных машинах не каждого пускали. Провел к себе в кабинет, предварительно вписав в три журнала. Таковы правила. И сразу к делу: фотографию рассмотрел – не признал.

– Жаль, было бы куда проще, если бы он моим пациентом оказался, – подсадовал Аракелян. – Да мы ведь не в сказке, верно, Лев Иванович?

– Что да, то да. Хотя в жизни ситуации похлеще сказочных случаются, – ответил Гуров. – Что делать-то будем, Арам?

– Врать придется, – спокойно ответил тот. – Без зазрения совести, и всем напропалую.

– Это как?

– А вот так. – Аракелян достал телефон, переснял фото на камеру и приступил к сложной процедуре поиска.

Он звонил знакомым психиатрам, рассказывал всем одну и ту же историю, как к нему якобы пришел пациент, утверждает, что никогда не лечился, а у Аракеляна, мол, серьезные сомнения на этот счет. Уж больно в медицинских делах подкованный и «кухню» психбольницы слишком хорошо знает. Вот он и решил справки навести, у кого из коллег тот опыта набрался.

На простую историю покупались все, к тому же Аракелян ведь личные данные не спрашивал и историей болезни не интересовался. Простое любопытство, и ничего больше. Кому же из врачей не захочется получить подтверждение своим наблюдениям? Коллеги идею оценили, по собственной инициативе в родном учреждении опрос провели, но, как ни старался Аракелян, установить личность убитого в парке мужчины ему не удалось. Четыре часа кряду на телефоне просидел, а результат нулевой.

– Если твой труп и был психом, то на учете он либо не стоял, либо стоял не в нашей области. Всю Россию я обзвонить не смогу, но кое у кого еще поспрашиваю, – пообещал Арам на прощание.

В Управление в этот день Гуров не вернулся. Созвонился с Крячко, тот сообщил, что существенных новостей нет, все терпит до утра. На том и остановились. Остаток вечера Лев провел в компании сибирского кота. Его жена Мария в очередной раз уехала на гастроли, а ему кота на попечение подбросила. Видите ли, у ее новой подруги шикарный кот, а на время гастролей оставить его не с кем. Вот она свою, то есть его, Гурова, помощь и предложила. Пусть, мол, котик у них поживет. И мужу не так скучно будет, и подруге волноваться не придется.

Кот оказался созданием наглым и беспардонным. Спать он привык на хозяйской постели, причем исключительно в изголовье, так что каждую ночь Гурову приходилось терпеть его сопение возле уха. К тому же котяра страдал то ли нервным расстройством, то ли чрезмерной двигательной активностью, поэтому всю ночь бил хвостом по подушке, время от времени задевая и хозяина. Лев, непривычный к таким выходкам, большую часть ночи спать просто не мог, но и выгнать кота из спальни не решался. В первую ночь попытался было, но кот поднял такой крик, что он побоялся, как бы соседи не взбунтовались, и смирился с участью.

В итоге к восьми утра Гуров оказывался на работе невыспавшимся и злым. Таким и застал его Стас Крячко. В отличие от напарника он сиял белозубой улыбкой и казался довольным жизнью.

– Чего хмуришься, Лев Иванович? Или жизнь холостяцкая не по вкусу? Эх, Лева, не понимаешь ты своего счастья!

– Счастье мое мерзкий тип уничтожил на много дней вперед, – пробурчал Гуров, наливая воду в чайник. – Садись, рассказывай, как все в Медицинском центре прошло?

– Да как прошло... – мечтательно потянулся Стас. – Хорошо прошло, весело.

– Зная тебя, я в этом и не сомневался. – Гуров разлил по стаканам чай. – Подробности давай, про девиц и прочее можешь пропустить.

– Да как же пропустить, Лева, это же самое интересное.

– Пропусти, тебе говорят. Слушать разглагольствования про симпатичных лаборанток я не настроен. Начнешь уклоняться от темы – уволю, – в шутку пригрозил Лев.

– Ладно, друг, не стану тебя травмировать. Вижу, ты и так с ночи травмирован. – Крячко подхватил чай и уже серьезно начал докладывать: – Светлану Рассулову коллеги не шибко жалуют. Работать она любит без меры, а конкурировать с трудоголиком, сам знаешь, занятие бесперспективное. Тем более, если тебе двадцать и хочется все успеть. Девушки, что с ней работают, не только пробирками интересуются. И много чего замечают, в этом ты оказался прав. Например, рассказали, что начальник лаборатории неровно дышит в сторону Светланы, а та не замечает. Есть еще один поклонник, из технического персонала. Он вроде как тайный воздыхатель, только робкий чересчур. Девушки сказали, что периодически он Светлану через парк провожает. Идет не вместе с ней, а поодаль, типа охраняет.

– Это уже интересно. Удалось с ним побеседовать?

– Увы, в тот день он Светлану не провожал. Девушка ушла раньше, он же дорабатывал до положенных восьми утра. Уж он сокрушался, что так все сложилось. Только что волосы на себе не рвал. Сказал: моя вина, что со Светланой такая беда произошла. Надо было в чувствах раньше признаться, может, не пошла бы тогда одна, его дождалась.

– Надо было, – согласился с неизвестным воздыхателем Гуров.

– По сути, это все, что удалось выяснить. Парня с фото девушки не узнали. Одна из всех сказала, что лицо какое-то знакомое, но потом передумала. Говорит, наверное, показалось.

– С ней нужно будет повторно встретиться. Вдруг все же вспомнит, где видела это лицо? – Гуров сделал пометку в блокноте. – С начальником общался?

– А зачем он мне? Сплетни не собирает, окружающих не замечает, мимо своих сотрудников может пройти и не увидеть.

– Все равно нужно пообщаться.

– Потому что у тебя зацепок нет? – догадался Крячко. – Ладно, схожу еще раз. Только дня через три. Начальник к заказчикам укатил. Помнишь, ты говорил, что накануне нападения Светлана какие-то сложные анализы делала? Так вот по их результатам он отчитываться и поехал. Если вдуматься, странно все это...

– Что именно?

– Да отъезд его скоропалительный. Лаборантки коротким язычком трещали, что незапланированная поездка. Всегда хватало курьера, а тут вдруг начальник сам засобирился.

– Думаешь, он причастен к нападению на Рассулову? Не очень правдоподобно, – покачал головой Лев. – Тем более, если учитывать его к ней отношение. Со слов тех же лаборанток, заметь.

– И что с того? Может, он специально вид делал, что неровно к Рассуловой дышит, а сам и не думал о ней, – начал выдвигать предположения Стас. – Или, наоборот, надоело ждать, пока она прозреет, решил вопрос кардинальными методами ускорить. Может, этот насильник и не насильник вовсе. Может, попугать девушку хотел, чтобы она задумалась о том, что пора провожатым обзавестись. Тут бы начальник к ней и подкатил.

– Так естественно пугать? Нет, Стас, не сходится, – возразил Гуров.

– Почему не сходится? Насильник сам не ожидал, что так дело обернется. Appetit, как известно, во время еды приходит. Начал с простого запугивания, да вдруг понял, что ему это нравится. Крышу сорвало, вот он и натворил дел.

– По-твоему выходит, начальник его за это грохнул? Это же смешно, Стас!

– Как сказать. С чего бы тогда начальник так скоренько из города свалил?

– Может, действительно дела неотложные. Мало ли что лаборантки себе надумали.

– Я бы на твоём месте проверил, – упорствовал Крячко. – Смотри, как все удачно складывается. Безответная любовь и не до такого людей доводит.

– Да бред это!

– Ладно, не веришь в любовь, вот тебе другой мотив. Светлана для начальника сложную работу провернула. Да так быстро, как и сам он не сумел бы, верно? Верно. Допустим, в ее расчетах проявилось нечто, что не устроило начальника, а скорее, не устроило бы его заказчиков. И решил он это от заказчиков скрыть. Светлана ему на этот нюанс указала, а он ей велел помалкивать и не лезть не в свое дело. Могла Рассулова в бутылку полезть? Могла. Могла пригрозить, мол, сама заказчикам доложит, что проект их полная туфта? Могла. Вот тебе и мотив.

– С мотивом ясно, что с исполнением? – перебил Гуров.

– Ты дослушай, – горячился Крячко и продолжал на одном дыхании: – Чтобы заставить девушку молчать, начальник решил ее убрать. Нанял отморозка, который должен был девушку ликвидировать. Сам же ее пораньше с работы отпустил и отморозка по ее следу пустил. А тот решил подкорректировать план заказчика. Совместить, так сказать, приятное с полезным. И просчитался. Светлана отпор дала, сбежала. Начальник же пошел следом, проследить, как отморозок с задачей справится. Когда понял, что Светлана сбежала, догадался, что в полицию пойдет. Вот и избавился от свидетеля. Насильник же первым делом на него бы показал, верно? Или и этот вариант не катит?

– Слишком много наворотил, – покачал головой Лев. – Когда бы он успел план разработать, отморозка найти, да еще умудриться незаметно из лаборатории уйти и вернуться?

– Ну, это ты у него спросишь, когда вернется, – ответил Крячко и многозначительно добавил: – Если вернется.

Гуров собирался возразить, раскритиковать теории Стаса в пух и прах, но не успел раскрыть рот, как в кабинет ввалился Демин. Перед собой он толкал тщедушного мужичка, на вид типичного бомжа. Мужичок упирался, как мог. Вид у него при этом был довольный, точно они с Деминым в любимую игру играют.

– Иди, тебе говорят! – злился Демин. – Чего упираешься, Сопля, все равно отвечать придется.

– Да чего ты злишься, гражданин начальник? – Бомж собой был явно доволен. – Иду, как получается. Это у тебя на ходульках ботинки со скрипом, а мои натруженные ноженьки рваные тапки едва прикрывают. Замерзли косточки, вот и цепляются за что ни попадя.

– Учти, Сопля, здесь шуток не приветствуют. Это тебе не в «обезьяннике» пьянь веселить. – Демину удалось-таки протолкнуть мужичка в дверь и даже дотащить до ближайшего стула. – Садись и молчи, пока тебе слово не дадут. Не нарывайся, Сопля, понял? – пригрозил он мужичку, после чего обратился к Гурову: – Товарищ полковник, я пиджак нашел.

– Он нашел! – Сопля аж подскочил на стуле и такую гримасу состроил, что Гуров невольно фыркнул, а Крячко в голос рассмеялся. – Нет, вы слышали его, люди добрые? Он нашел!

– Заткнись, Сопля! – огрызнулся Демин и уточнил: – Я нашел человека, который самовольно завладел пиджаком убитого.

– Ни при чем я, гражданин полковник, – вскинулся Сопля. – Пиджак этот ни с какого убитого не снимал. Я вообще «жмуриков» боюсь. Ни в жизнь бы ту полудошку на себя не нацепил, знай, что она с покойника.

– Стоп! – остановил обоих Гуров. – Давайте по порядку и по одному. Демин, сначала ты.

Олег еще раз цыкнул на бомжа, больше для проформы, и сообщил следующее: его осведомители доложили, что искомый предмет одежды видели у гражданина Сопельняка, по прозвищу «Сопля», не далее как этим утром. Сопля имел слабость к красивым вещам, собирал их где только возможно и всегда был рад прихвастнуть обновкой. Пиджак показывал всем желающим, карманы выворачивал, подкладкой тряс и заявлял, что достался он ему по наследству, не озвучивая имя наследодателя. Демин выяснил, что обитает бомж Сопля у заброшенных складов, приехал туда и взял его спящим. В том самом пиджаке.

Гуров поинтересовался, где пиджак и по какому признаку Демин определил, что это искомый пиджак, а не похожий. Олег заявил, что фотоснимки пиджака переслал адвокату, а тот, в свою очередь, предъявил их Рассуловой. Она пиджак узнала, после чего Демин подхватил Соплю и повез в Управление. Далее пришла очередь Сопли. Он клялся и божился, что в Терлецком парке с августа точно не бывал, а пиджак подобрал совсем в другом месте.

– Где именно? – поинтересовался Гуров.

– На вокзале в Кучино. Там за столовой баки мусорные стоят, а так как столовские повара готовят хреново, поживиться всегда есть чем. Когда совсем голодно, я на Кучино иду. И в тот день пошел. Жрачкой разжился, в туалете воды набрал и собирался домой ехать, а тут собак свора. Лаять начали, сволочи бездомные, одна кидаться пыталась. Ну, я и дал деру. До конца платформы добежал, пока они отстали – на кого-то другого переключились. Я на стеночку ларька облокотился, отдышаться, смотрю, чуть в стороне что-то чернеет. Подошел, а там пиджак этот валяется. Пыльный весь, видно, собаки через всю платформу тащили. Я его отряхнул, карманы проверил. Вдруг, думаю, документы есть, тогда вернуть владельцу можно было бы. Документов не нашел. Карманы вообще пустые оказались, даже фантика не завалось, даже талона использованного.

– Так уж и пустые? – не поверил Крячко. – А если как следует вспомнить?

– Говорю, пустые, значит, пустые, – обиделся бомж.

– И денег ни копейки?

– Может, мелочь и была, да кто теперь вспомнит. – Сопля хитро прищурился. – На деньгах ведь не написано, кто их владелец, верно?

– Так были деньги или нет?

– Не было. – В голосе бомжа прозвучало неподдельное разочарование. – Пиджак солидный, а денег нет. Наверное, в брюках носит.

– Что носит? – не понял Стас.

– Хозяин пиджака деньги в брюках носит, – пояснил бомж и мечтательно так добавил: – Эх, жаль, он штаны не потерял.

Гуров велел пиджак изъять, бомжа вернуть на место, а находку привезти в Управление. Так же, как привел, Демин погнался бомжа обратно к двери. Тот снова сопротивлялся, требуя дать ему время согреться, требуя компенсации за отнятую одежду и выдвигая еще кучу требований, на которые Демин не обращал ни малейшего внимания. Гуров проводил их взглядом, после чего перевел его на Крячко и спросил:

– Ну, и что думаешь?

– Правду говорит, – уверенно ответил Стас. – В парке его не было, рассказ про вокзал слишком красочный. Если только этот бомж талант по части сочинения историй, тогда можно подумать, что брешет. Такие детали описывать, не видя их, надо еще приноровиться.

– Я тоже думаю, что не врет, – согласился Лев. – Значит, каким-то образом пиджак убитого оказался на Кучинском вокзале. Нужно узнать, каким именно образом.

– Да поехали на вокзал, там все и выясним, – предложил Крячко. – Хоть чем-то займемся, пока от Жаворонкова ответов ждем.

Валера утром первым делом отчитался перед Гуровым, правда, порадовать ничем не смог. Базы МВД он пробил, как и предполагалось, совпадений не нашел. Относительно умельцев по резке рукояток в виде дракона работу начал, но предупредил, что процесс этот может затянуться. Такая информация в личные дела осужденных не вносится и на сайте не рекламируется. Здесь весь процесс через «сарафанное радио» да через знакомых. Пока шарманка закрутится, не один день пройти может, особенно если умелец этот где-то на периферии сидит.

Приехав на железнодорожную станцию Кучино, стали думать, с чего начать. С первого октября почти неделя прошла, поди найди свидетелей, а тут еще не знаешь, что конкретно искать. По идее, им нужен тот, кто выбросил пиджак убитого на станции. Но как его найти? Не

станет же он шеголять в пиджаке, снятом с покойника? И все же раз он здесь оказался, значит, был здесь и убийца, а раз был, то и «засветиться» мог. Вокзальные люди, те, что из постоянных: торговки с перрона, лоточники, носильщики и прочий торговый люд, слышат много, замечают и того больше, сплетнями и слухами делятся охотно, так что совсем без новостей с вокзала ни один опер не уедет.

Чтобы не путаться друг у друга под ногами, решили разделиться. Гуров взял левое крыло, Крячко – правое. Разошлись, договорившись встретиться через час. Крячко первым делом к теткам с пирожками пошел. По опыту он знал, что те к каждому прохожему со своими пирожками цепляются, мимо них мало кому пройти удастся. Тетки встретили его привычным гомоном.

– Не проходи мимо, касатик! – кричала дородная баба лет пятидесяти пяти, потрясая перед носом полковника пирожком, размером с лапоть. – С капустой, с картошкой, с луком-яйцом.

– Беляшики с мясом, своя свининка, только вчера мужик мой забил. А хочешь пирог с ливером? Во рту так и тает, – вторила товарке бабуля в ситцевом платочке в цветочек. – За бесценок отдаю. Сто рублей пара.

– Сладеньких бери, сладеньких, – отпихивая конкуренток, резвилась молодая бабешка в модном кожаном френче с чужого плеча. – По глазам вижу, ты мясу сладенькое предпочитаешь. С клубничкой выберешь, как пить дать.

– После такой рекламы как не потратиться, – развел руками Стас. – Эх, бабоньки-разорительницы, без штанов мужика оставите. И как тут определиться? Одна краше другой. Да что выбирать, давайте каждая по экземпляру, чтоб никому обидно не было.

Женщины захихикали, довольные похвалой. Зашуршали пакетами, накладывая товар. Крячко рассчитался с каждой по очереди, пакеты по карманам рассовал, но уходить не спешил. К яблокам моченым приценился, огурчиком малосольным похрустел, потом к главному перешел:

– А что, бабоньки, тихо у вас на станции? Пьянь-рвань не дебоширит?

– А ты никак из добровольной дружины? Порядок наводить прикатил? – подбоченилась молодуха. – Так мы только рады будем, если такой гарный хлопец к нам на станцию перебазируется.

– Из дружины? Можно сказать, что из дружины, – кивнул Стас. – Если есть от кого охранять, отчего не помочь трудовому люду?

– Да тихо у нас, милоч, – вступила в разговор бабка в платке. – Если кто и вздумает хулиганить, так ребятки из вокзальной охраны вмиг порядок наведут. С этим у нас строго.

– Так-таки без хулиганства и живете? На всех станциях дебоширят, а у вас тишь да гладь? Сомнительно.

– Сомневаешься, – хохотнув, добавила дородная баба, – поживи у нас пару деньков, покарауль. Вон Танька вся извелась без караульщика.

Танька, молодуха в кожаном френче, от смущения красными пятнами пошла, но взгляд не отвела. Видно, и правда истосковалась по мужику. Крячко и того прямога тетки задела, но уходить-то рано, пришлось отшучиваться. Пару минут перебрасывались шутками, стараясь держаться в рамках, потом кое-как на серьезный тон перешли.

Намеками, окольными путями Крячко теток на нужную дату переключил. Начали дружно вспоминать, что странным в этот день показалось. Думали-гадали, сошлись в одном: на перроне, ближе к платным туалетам, ругань какая-то шла, но недолго. Все те же ребята из вокзальной охраны быстро порядок навели. Забрали кого-то или нет, ни одна из торговок вспомнить не смогла, на перроне поезд дальнего следования остановился и электричка пригородная. Работы валом, тут главное, клиента не упустить.

Про пьяницу местного рассказали, как он собак гонял. Вспомнили про бабку полоумную, она на вокзале каждый день ошиивается, к пассажирам пристаёт, все деда своего ищет, а тот лет двадцать как помер. Крячко пьяницу с собаками и шум у туалета взял на заметку, все остальное как несущественное отмел, теток поблагодарил и двинулся дальше.

С носильщиками поболтал, цветочницам пару-тройку вопросов задал, у ларька «Воды-соки» задержался. Продавщица из ларька тоже про скандал у туалета вспомнила, но, как и торговки, сути конфликта сообщить не смогла. Стас еще минут десять по перрону пошатался, пьяницу не встретил и пошел искать Гурова.

Увидел напарника издалека – тот как раз от вышеупомянутых туалетных кабин к зданию вокзала направлялся, окликнул его, подождал, пока тот с ним поравняется, и начал новостями делиться. Оказалось, что Гурову про скандал тоже много кто напел. Транспортная полиция подвыпивших мужиков с электрички сняла и в здание вокзала препроводила. Те идти отказывались, шумели и пытались бежать, отсюда и шум.

– Думаешь, наши буяннить бы начали? – засомневался Крячко. – После «мокрухи» на «хулиганку» напороться? Как-то глупо.

– Других вариантов все равно нет, – пожал Лев плечами. – Пойдем с охранниками потолкуем, потом решать будем, стоит на дебоширов время тратить или нет.

Только в здание вокзала вошли, навстречу полицейский патруль. Один – молодой совсем парень, видно, только из академии, второй в возрасте, под полтинник уже. Крячко сразу к ним. Поздоровался, представился, начал выяснять, кто первого числа на перроне дежурил. Оказалось, эти двое и дежурили.

– Помощь ваша нужна, – сказал им Стас. – Про скандалистов, которых с электрички сняли, послушать хотим.

– Пойдемте в дежурку, что ли, – предложил тот, что старше. – Там сейчас пусто, сможем спокойно пообщаться.

– Степаныч крик поднимет, – вполголоса предупредил молодой.

– Забудь. Не видишь, опера следственно-разыскные мероприятия проводят, не имеем права отказать, – отмахнулся старший. – Пойдемте, товарищи полковники. На мало го внимания не обращайтесь, начальство у нас свирепствует, ему с непривычки страхово.

Обстановка в дежурке оказалась уютной, почти домашней. Два дивана с высокими спинками, четыре кресла им в пару, журнальный столик по центру, еще один, полноценный обеденный, у стены. На окне занавески и горшок с диковинным цветком. Листья у цветка полосатые, на солнце лоснятся и искрами отсвечивают. Старший взгляд Крячко перехватил, заулыбался и доверительным тоном проговорил:

– Красивый экземпляр, правда? Калатея Сандериана называется. Я пока название выучил, весь мозг сломал. Буфетчица наша, Полина, цветами увлекается. Выращивает и всем раздаривает.

– Красиво, – похвалил Стас.

– Насчет тех хулиганов мало что сказать могу, – без паузы перешел к делу старший. – С электропоезда вызов пришел, что нарушителей правопорядка приструнить не удастся, придется высаживать. Своими силами побоялись не справиться, да и просто так не принято у нас хулиганов на перрон выбрасывать. Не по-людски это, самим от головной боли избавиться, а другим ее на голову скинуть.

– В котором часу электропоезд шел? – задал вопрос Гуров.

– Днем это было. После двенадцати, но до четырех, точнее по расписанию посмотреть можно.

– В четырнадцать ноль две, – выпалил молодой. – Я в журнал происшествий запись делал.

– Отличная работа, лейтенант! – похвалил Крячко. – Имена нарушителей тоже записал?

– Никак нет. Без документов они были, а возиться... – стушевался лейтенант. – Ну, это. Короче, нет данных.

– Да не жмись ты, как девка на первом свидании, – раздосадованно проговорил старший. – Все равно узнают. – И обратился к Гурову: – Не было при них документов, на злостных нарушителей они не тянули. Так, два склочника. Да и повздорили-то между собой, к другим пассажирам не приставали. Мало ли что в жизни бывает, что ж за каждую ссору людей в «обезьянник» закрывать?

– Хотелось бы услышать подробности, – попросил Лев. – Что значит: повздорили между собой?

Старший повздыхал-повздыхал и начал рассказывать. История складывалась из того, что успели сообщить патрулю дорожники, сообщившие о нестандартной ситуации, из собственных наблюдений полицейских и сбивчивого рассказа самих нарушителей. В электричку парочка села у Новогиреева, до Реутова доехали без эксцессов, а потом вдруг собачиться начали. Другие пассажиры старались не обращать на них внимания, пока те сохраняли относительную корректность. Когда начали вслух материться, кто-то из пассажиров дистанционно полицейский наряд вызвал. Дебоширам сделали предупреждение, те затихли, но ненадолго.

К Кучино они уже не просто матерились, а с кулаками друг на друга бросаться начали. Тот же бдительный пассажир снова наряд вызвал, они, в свою очередь, связались с полицией Кучинской железнодорожной станции. Когда электропоезд прибыл, на перроне их встречал наряд транспортной полиции. Из вагона нарушителей тащили чуть не волоком. Оба мужчины упирались, как могли. За поручни цеплялись, ноги подгибали, на пол валились, но совместно с нарядом электропоезда удалось с ними справиться.

Не успел электропоезд тронуться, как один из хулиганов вырвался и в сторону рванул. Молодой лейтенант за ним. Думал, не догонит, особенно когда тот за туалеты забежал и в посадках скрылся. Помогли собаки, почти тут же выгнали нарушителя из кустов, и он прямо в руки лейтенанту влетел, и тот живенько наручники на запястьях нарушителя защелкнул. Мужчина мигом присмирел, и до пункта охраны в здании вокзала дошли без приключений.

Там за дело взялся старший. Как положено оформить задержание не удалось. Документов при нарушителях не оказалось никаких, а добровольно они имена называть отказались. Два часа полицейские с ними проваландались, но так ничего и не добились. Оба твердили одно: повздорили, с кем не бывает? Никого же из посторонних не обидели, так чего ради их наказывать? Все осознали, примем к сведению, исправимся. Так и отпустили, ведь действительно никакого криминала не натворили.

– Да, не густо, – протянул Крячко. – Хоть причину ссоры выяснили?

– А как же, в первую очередь, – ответил лейтенант. – Они из-за вещей ссорились, поделить никак не могли. То ли куртка им халявная досталась, то ли пальто, вот они и решали, кому его носить. Одному размер не подходил, так он со своего приятеля денежную компенсацию требовал. Говорил: он мне деньги за одежду должен, пусть раскошелявается. А второй платить не хотел, мол, кому по размеру подошла, тот и владелец, и никаких компенсаций быть не может.

– Предмет спора видели? – включился в разговор Гуров.

– Нет, не видели. Вещи с ними не оказалось. Сказали, дома лежит, у приятеля. Они забирать едут, вернее, ехали.

– До какой станции билет покупали?

– До Железнодорожной, она на этом маршруте последняя.

– А сели в Новогиреево?

– Так точно, в Новогиреево.

– И больше ничего о них не известно?

– Ничего, товарищ полковник.

– Это плохо, – нахмурившись, покачал головой Лев.

– Да в чем дело-то? Они что, убили кого? – вступил в разговор старший. – Такой интерес к обычным скандалистам на пустом месте не возникнет.

– Может, и убили, – уклонился Лев от прямого ответа. – Только выяснить нам это вряд ли удастся, по крайней мере, быстро точно не получится.

– Я вспомнил кое-что, – внезапно завопил лейтенант, – думаю, это поможет!

– Выкладывай! – велел Гуров.

– Мужчины эти примерно одного возраста, может, два, может, три года разницы, не больше. У того, который компенсацию требовал, кисти рук в жутком состоянии. Пальцы раздутые, кожа покраснела и пятнами шелушащимися пошла. Он их всю дорогу чесал. Я спросил, в чем проблема, он сказал, что аллергия на нефтепродукты. В мазуте, говорит, постоянно возиться приходится, они и болят. А второй его за это ругал. Сколько, говорит, уговариваю тебя работу сменить, а ты артачишься. Я так понял, что работают они на одном предприятии, и работа у них явно не интеллектуальная. Поможет это, как думаете?

– Будем надеяться. Фоторобот еще составим и начнем искать. Одному из вас придется проехать с нами в Управление. Там с художником поработаем, глядишь, что-то стоящее и наработаем, – поднимаясь, произнес Лев.

– Оба поехать не сможем, – заявил старший. – Станцию без охраны оставлять не положено.

– Лейтенанта будет достаточно.

– Ну что, лейтенант, настал твой звездный час, – похлопал лейтенанта по плечу Стас. – Собирайся, на Петровку поедешь.

Глава 4

– Вот вам и безобидные скандалисты! Да тут рецидив на рецидиве!

Возглас издал Валерка Жаворонков. Полчаса назад к нему в информационно-аналитический отдел пришли Гуров с Крячко и привели с собой молодого лейтенанта. Вручили фоторобот двух мужчин лет по тридцать и попросили быстро по базе пробить. Уселись позади Валеркиного кресла и стали в затылок дышать. Вроде и не подгоняют, но ощущение не из приятных. Валерка их корректно в другой конец кабинета услад, нечего над душой стоять. Полковники подчинились, сели на диван и начали что-то обсуждать. Валерка уже спокойно за работу взялся, а как результат увидел, так и обалдел. По обоим фотороботам совпадение, да еще такое!

– Что там, Валерик? – первым подскочил к компьютеру Крячко. На монитор посмотрел и присвистнул: – Вот это удача! Да, лейтенант, это как же постараться надо, чтобы таких матерых рецидивистов профукать?

– Он-то ладно, опыта нет, а вот капитан куда смотрел? – вторил ему Гуров.

– Как же мы так? Вот ведь. Эх, да как же мы так? – Лейтенант стоял позади всех и растерянно моргал, повторяя одну и ту же бессмысленную фразу.

– Скажите честно, кто-то из вас такого результата ожидал? – Жаворонков развернулся на крутящемся стуле. – Можете не отвечать. По лицам вижу, что для вас это совершенная неожиданность. Распечатку сделать?

Гуров утвердительно кивнул. Результат поиска действительно оказался неожиданным. Оба нарушителя проходили по базе, имели по несколько судимостей и, судя по фамилии, находились в родстве. Старший, Зуйков Андрей, по кличке «Лом», в свои тридцать пять имел четыре судимости, последняя из которых оставалась непогашенной. За вторым, Зуйковым Дмитрием, тридцати двух лет, первая из судимостей Лома не числилась, проходил он только по трем эпизодам. У него все судимости оказались погашены, ввиду назначения меньшего срока.

Жаворонков отыскал информацию по последнему делу, откуда узнал, что Дмитрий и Андрей являются родными братьями. Два брата на пару промышляли грабежом, причем не особо удачно, так как каждый раз на чем-либо прокалывались и попадали в жернова судебной системы. С момента последнего преступления прошло чуть меньше трех лет. Удивительно, но суд ни разу не приговаривал братьев к наказанию, связанному с лишением свободы. Всегда только ограничение или принудительные работы.

Первые преступления выглядели совершенно несерьезно, и наказание за них казалось вполне целесообразным. Братья влезли в сельский магазин, украли два ящика консервированной рыбы и пять бутылок водки, а потом сели на крыльце этого магазина и устроили пикник. В тот раз старший брат взял вину на себя, поэтому Дмитрий и не получил наказания.

Второй раз был магазин автозапчастей, откуда братья вынесли десять пар аккумуляторов, за что и получили каждый по сроку. В последний раз объектом для грабежа выбрали лесоторговую базу и воровали уже деньги. Старший пошел «паровозом» и получил срок на два года больше, чем брат. Суд постановил приговорить старшего к ограничению свободы сроком на три года, с обязательной выплатой полной суммы ущерба. Теперь же обоим вменялось в обязанность два раза в месяц отмечаться в соответствующей инстанции.

– Понятно, почему они называть себя отказывались, – заметил лейтенант. – Старшему до погашения судимости всего полмесяца осталось, или около того. Сейчас залетит под «хулиганку», и прощай свобода.

– Адрес есть – остальное дело техники, – подытожил Крячко. – Поехали к Зуйковым, Лева.

Проживали братья в поселке Железнодорожный, недалеко от станции. Ехать решили на машине Гурова, бригаду для задержания братья не стали, рассчитывая обойтись своими силами.

В поселке первым делом к участковому заглянули. Тот поинтересовался причиной внимания оперов-важняков к его подопечным, пожал плечами, сообщил, где на данный момент можно братьев застать, и добавил, что сомневается, чтобы Зуйковы «мокрухой» занялись. В виде аргумента заявил: кишка тонка. Предложил свою помощь – полковники отказались.

После суда братья трудились разнорабочими в моторвагонном железнодорожном депо, принадлежащем Московской железной дороге. Каким образом участковому, или кому-то еще из системы исполнения наказаний, удалось договориться с управлением железной дороги, чтобы те взяли в штат двух рецидивистов, было непонятно. Крячко задал было вопрос участковому, но тот его мимо ушей пропустил и перевел разговор на другую тему.

Приехав в депо, обратились к дежурному на пропускном пункте, тот данные с их удостоверений переписал, связался с кем-то по телефону и через несколько минут дал добро на въезд. Оказалось, Зуйковых он знал лично, сообщил, что найти их можно в цехе по капитальному ремонту электродвигателей.

– Проедете вдоль забора до третьего поворота, там ангар увидите. Двери открыты, не ошибетесь. Народу там всегда полно, спросите, они вам Зуйковых найдут, – посоветовал дежурный.

Цех нашли быстро, как и сказал дежурный, рабочих туда набилось что селедок в бочку. Гуров оставил машину перед гаражными воротами, вместе с напарником вошел внутрь. На них никто не обращал внимания, каждый занимался своим делом.

– Похоже, парни на сдельщине, – вполголоса пошутил Крячко. – Голову поднять бояться, так торопятся.

– Может, и на сдельщине, – пожал плечами Гуров. Вдруг мимо пробежал парнишка лет двадцати, и Лев, ухватив за рукав, оттащил его в сторону.

– Какого хрена? – возмутился парень. – Рукав отцепил, мудила!

– Поосторожнее с выражениями! – навис над ним Крячко.

– А то что? – вскинулся парень.

– Прихлопну, как козьявку! – не сдержался Стас.

– Спокойнее, спокойнее парни! – утихомирил их Гуров. – И вы, молодой человек, не бузите. На пару вопросов ответите и дальше по своим делам побежите.

Он достал из кармана удостоверение, но не успел, раскрыть, как парень тут же сменил тон.

– Так бы и сказали, что из полиции, – буркнул он, поправляя рукав. – Чего сразу за одежду хвататься?

– Братьев Зуйковых знаешь? – спросил Стас.

– Вы тоже, что ль, из полиции? – Было видно, что с Крячко парень общаться не желает.

– Из нее самой. На вопрос отвечай.

– Ну, допустим, знаю. Дальше что?

– Где найти?

– Через ангар до упора, там налево дополнительное крыло пристроено. Зеленая дверь с черепушкой – вам туда, – выдал парень, рванул из ангара и через пару секунд скрылся за углом.

– Давай поторопимся, – посмотрел на Стаса Гуров. – Что-то мне подсказывает, что парнишка Зуйковых предупредит.

Крячко с его мнением был согласен, поэтому конца фразы дожидаться не стал. До дальней стены ангара двигались быстрым шагом. Бежать не было возможности чисто физически. Каждые полметра какая-нибудь преграда встречалась: то катушки с проволокой, то бухты с электрокабелем, то металлические ящики неизвестного назначения. И у каждой преграды рабочий крутится, делами неотложными занимается.

До зеленой двери с изображенным черепом первым добрался Крячко. Рванул на себя и сразу понял, что опоздал. Парень, внешне похожий на Андрея Зуйкова, распахнул дверь,

расположенную в противоположной стене, одновременно с Крячко и уже выталкивал в нее второго парня. Его Стас рассмотреть не успел, но был уверен, что это не кто иной, как Дмитрий Зуйков.

– Стой, Зуйков! – закричал он, выпустил из рук дверь и помчался через цех.

Подчиняться Зуйков не собирался. Хлопнул дверью и был таков. Крячко добежал до двери, дернул ручку, она оказалась закрытой. Видно, Зуйков успел чем-то ее заклинить.

– Лева, беги назад, попробуй снаружи обойти! – крикнул через плечо Стас, а сам начал усиленно раскачивать дверь, в надежде, что клин вылетит.

Клин действительно вылетел, но он потратил на это минуты две драгоценного времени. Гуров к этому моменту успел пересечь ангар в обратном направлении и выбежать во двор. Крячко выскочил наружу, огляделся. Небольшой дворик, обнесенный с двух сторон сеткой-рабицей. Третью сторону ограничивала земляная насыпь, по которой шла железнодорожная ветка. Оттуда сверху доносился громкий скрип, и Стас полез на насыпь. До верха добрался, когда скрип неожиданно прекратился. Метрах в ста пятидесяти от того места, где он поднялся, стояла самоходная тележка старого образца: горизонтальная платформа на четырех колесах с двумя рычагами управления. От нее вниз по насыпи бежали двое.

– Стой! Стой, стрелять буду! – крикнул Крячко, хотя прекрасно понимал, что беглецы не остановятся. Они знали, куда бегут, и имели все шансы уйти от преследования. Впереди маячила автомобильная стоянка, с нее прямая дорога до шоссе, и ни одной преграды на пути.

Чертыхнувшись, он бросился обратно. Догнать парней по насыпи, а уж тем более успеть добраться до них раньше, чем они окажутся у ближайшей машины, было нереально. Одна надежда – успеть добежать до машины Гурова и начать преследование уже на трассе. Как ни спешил Крячко, он успел окинуть окрестности беглым взглядом и зафиксировать, что до трассы ведет только одна автомобильная дорога.

Гурова подхватил во дворе, тот, добравшись до сетки-рабицы, вернулся обратно, собираясь присоединиться к Крячко.

– Новая вводная, Лева! – крикнул на ходу Стас. – Гони к машине, они по трассе уйти собираются.

Второй раз повторять не пришлось, Гуров сориентировался мгновенно. Сменил направление, первым достиг машины, открыл дверцу Крячко, завел двигатель, и машина рванула с места. Подъезжая к воротам, Лев посигналил. Увы, дежурный не привык выполнять требования гостей, пусть даже они и полицейские. Протокол требовал осмотреть автомобиль, внести соответствующую запись в журнал и только после этого открывать шлагбаум. Минут через десять дежурный, наконец, выпустил автомобиль, но за такое время беглецы могли уйти километров на пятнадцать-двадцать минимум. Причем в любую сторону. Добравшись до трассы, машина остановилась, и Крячко в сердцах воскликнул:

– Вот ведь бюрократы проклятые! Куда теперь ехать? Преследовать машину, ни марки, ни цвета, ни номера которой не знаешь? Эх, Гуров, сбежали от нас Зуйковы. Надо было принять помощь участкового, вызвал бы он их в отдел, там бы и взяли.

– Не паникуй, Стас. – Несмотря на сложную ситуацию, Лев оставался спокоен. – Что-нибудь придумаем. Главное, успокоиться и сосредоточиться, выход сам найдется.

– Да как он найдется? Парни по уши в дерьме, думаешь, они домой поедут?

– Почему нет? Куда-то ведь они должны поехать. Вспомни, были при них вещи?

– Нет, не было. Руки пустые, сами в спецовке. И сумок никаких, – наморщив лоб, вспоминал Крячко. – А при чем тут вещи? Когда в бега собрался, тут не до скарба.

– Правильно, но в спецовке тоже далеко не уедешь, верно? И деньги нужно добыть, и документы прихватить. Думаешь, они заранее об этом позаботились?

– Почему нет? Если накосячили конкретно, могли подготовиться.

– Давай все же до их дома прокатимся, – предложил Гуров. – Не век же у дороги стоять.

Сверились с картой, получалось, что до дома Зуйковых около десяти километров, и дорога, как ни странно, одна, даже объезда никакого нет. На трассе машин почти не было, а когда в город въехали, движение усилилось, но Лев, ориентируясь по навигатору, уверенно вел автомобиль к микрорайону Купавна. В настоящее время этот район административно относился к городу Балашиха, но местные жители, как и прежде, считали Купавну частью Железнодорожного.

Доехали до поворота на Парковую улицу, дом номер пятнадцать нашли прямо за зданием почтового отделения. Возле почты толпился народ, занимая проезжую часть так, что невозможно было свернуть с улицы Победы в проулок. Пришлось притормозить.

– Только этого нам не хватало, – снова заворчал затихший было Крячко. – Пойду, потесню народ.

Он взялся за дверную ручку и тут увидел, как со двора дома номер пятнадцать выкатывает автомобиль. Неприметный «Фольксваген» темно-серого цвета, образца доперестроечных времен. В салоне сидели двое. Видимо, о наличии толпы на дороге они уже знали, так как выезжать собрались в противоположную сторону.

– Спокойно, Стас, спокойно. Они на Линейную пойдут, мы можем по-тихому задом сдать и вырулить через другой проулок, – вполголоса проговорил Лев, начиная сдавать задом.

– Откуда нам знать, что они на Линейную пойдут, а не свернут куда-то раньше? – так же тихо заметил Крячко.

– Подумай сам, трасса федерального масштаба здесь одна, попасть на нее можно только с Линейной, это ты и сам видишь. Значит, мимо нас не пройдут.

Пока Гуров перестраивался, Крячко следил за «Фольксвагеном». Пассажир крутил головой, а водитель крутил баранку, медленно продвигаясь по узкой улочке. Осторожничал он не просто так, по улице разгуливали куры и утки, кое-где у калиток сидели дети, вдоль дороги бегали собаки. Зацепи хоть одного, толпа у почты такой хай поднимет, что уехать «Фольксвагену» будет совсем непросто.

– Не могу понять, Лева, куда сворачивать собираются, – с досадой произнес Крячко.

– Ты это как выяснить собрался, интуитивно? – поддел его Гуров. – Пока не свернет, ты и не узнаешь.

– Думал, поворотник включит. Глупость, конечно. Кто в деревне поворотниками пользуется?

– В любом случае, если не перед, так за машиной выйдем, – пожал Лев плечами. – В принципе, нам без разницы. Наша машина на порядок мощнее, теперь им уйти не удастся.

– Надо же нам решить, каким проулком идти, – проворчал Стас.

– Уже решили, – заявил Гуров, сворачивая в параллельный проулок. Он должен был вывести машину на Линейную улицу со стороны федеральной трассы, так как был уверен, что беглецы поедут в сторону трассы М-7, а значит, через Кудиново и Кашино. Чтобы перекрыть проезд «Фольксвагену», требовалось совсем немного везения. – Сейчас проверим, на чьей стороне фортуна.

– Есть! Вон они! Лева, ты угадал! – радостно завопил Крячко.

И действительно, серый «Фольксваген» выруливал как раз в их направлении. Расстояние между автомобилями не больше тридцати метров, проулок узкий, двум авто никак не разминуться. – Допрыгались, братцы Зуйковы, некуда вам деваться! – Стас радовался, как ребенок. – Ну же, двигайте сюда, не стесняйтесь!

Гуров мысленно потирал руки, довольный удачей, еще немного, и беглецы с вокзала окажутся в их руках. Он так увлекся этой мыслью, что не заметил, как из противоположного проулка выскочила белая «Нива» и, не снижая скорости, помчалась в направлении к «Фольксвагену».

– Да что за напасть! – Крячко с досады грохнул кулаком по приборной панели. – Они что – заговоренные?

«Нива», летящая на бешеной скорости, не могла остаться незамеченной для водителя «Фольксвагена», а заодно привлекла внимание и к «Рено» Гурова. Один из братьев Зуйковых начал энергично жестикулировать, тыча пальцем в сторону машины полковников.

– Похоже, они тебя узнали, – прокомментировал Лев.

– Черт, как же эта «Нива» не вовремя! – Крячко резко сполз с сиденья.

– Поздно! – вздохнул Лев. – Вылезай, все равно они тебя видели. Вон как улепетывают. И нам с тобой их не достать.

Машина Зуйковых сделала резкий разворот, зацепив при этом забор из штакетника, пробуксовала на месте, выравнивая направление, и, набирая скорость, помчалась прочь. Преследовать беглецов Гуров не мог: водитель «Нивы», поняв, что лобовое столкновение неизбежно, влупил по тормозам. Машину повело юзом, пронесло полпролета вперед и вынесло на бетонный забор. От него машина отскочила, как от батута, вернулась на середину дороги, описала круг, подняв облако пыли, и, наконец, замерла. Покачавшись на рессорах, она вдруг осела на землю. Два передних колеса одновременно отвалились, а следом за ними и бампер, заняв оставшуюся часть дороги. Из машины вылез древний дед, настолько древний, что было удивительно, как он вообще до машины смог добраться.

– Ешки-лепешки, вот это я впиндюкался! – громко, профессионально поставленным голосом выдал он. – Теперь неделю восстанавливать.

– А дед-то оптимист, – хмыкнул Стас. – Он еще надеется этот рыдван оживить?

– Не о том думаешь, Стас! – сердито бросил Гуров. – Зуйковы снова уходят!

– Сдавай задом и в соседний проулок, может, еще догоним, – посоветовал Крячко. – Поторопись, Лева, похоже, деда на общение пробило.

Дед действительно вознамерился вылить свое негодование на случайных свидетелей. Он довольно резво заковылял к машине Гурова с явным намерением привлечь его как свидетеля. Увидев это, Лев дал задний ход и, на малом ходу проехав проулок, развернул машину и прибавил газ. Метров через пятьдесят свернул в свободный проезд, надеясь, что он выведет на главную дорогу.

До трассы ехали быстро и молча. Крячко от нетерпения ерзал на кресле, время от времени тяжело вздыхая. Гуров не отрывал взгляд от дороги, и все же первым машину Зуйковых увидел Крячко.

– Лева, тормози! – закричал он, указывая рукой куда-то влево. – Там! Там машина!

Гуров ударил по тормозам, благо машин на дороге почти не было, немного сдал назад и увидел то, что еще раньше заметил Крячко. «Фольксваген» Зуйковых стоял на проселочной дороге, поперек которой развернулся автомобиль ДПС. Двое в форме вели досмотр автомобиля, еще двое караулили братьев Зуйковых, поставив их в известную позу возле капота «уазика».

– И тут успели набедокурить! – радостно воскликнул Крячко. – Везет нам, Лева!

Гуров свернул на проселочную дорогу, старший Зуйков увидел машину, занервничал, дернулся было в сторону, но бдительный сотрудник ДПС тут же пресек все попытки к бегству. Поравнявшись с «Фольксвагеном», Гуров заглушил мотор, вышел из машины, заранее достав из кармана удостоверение.

– День добрый, коллеги, – поздоровался он, обращаясь сразу ко всем. – Полковник Гуров, Московский уголовный. Сильно провинились? – кивком головы указал он на Зуйковых.

– Какие-то проблемы? – в меру вежливо спросил старший группы.

– У них? У них проблем по горло. Мы, собственно, по их душу ехали. Дважды за день от нас сбегают, – вступил в разговор Крячко.

– Теперь не сбегут, – закрывая багажник «Фольксвагена», заметил старший. – Забрать хотите?

– Если вам они не нужны, – кивнул Гуров. – Вы их за что задержали?

– Да гнали по трассе как подорванные и остановиться отказались, пришлось догонять, – объяснил старший. – Теперь понятно, почему. Разбирайтесь с ними сами, мы свою работу сделали.

Пока Гуров общался с офицером ДПС, Крячко защелкнул наручники сначала на старшем Зуйкове, затем на младшем и уже запихивал их на заднее сиденье «Рено». «Фольксваген» Зуйковых дэпээсники согласились отогнать к себе на пост, так что с машиной полковникам возиться не пришлось.

Оказавшись в салоне, Крячко развернулся вполоборота к братьям:

– Ну, здравствуйте, что ли? Да, заставили вы нас побегать. И все ради чего?

– Мы ни в чем не виноваты, – начал младший, но старший, Андрей, тут же его грубо оборвал:

– Рот закрой! Еще побратайся с ними.

– Да чего ты в бутылку лезешь? – не послушался Дмитрий. – За нами никаких косяков не водится, сам знаешь. Пришить нам ничего не удастся, а если недоразумение, лучше здесь выяснить.

– Им надо будет, они тебе столько пришьют, ни один адвокат не отбрешется, – настаивал Андрей. – Говорю тебе, заткни варежку, пока до срока не доболтался.

– Брось, Андрюха, лучше здесь добазариться. Мне в камеру впереться не по кайфу.

– Вот что, братья по разуму, – прервал их диалог Крячко. – На этот раз вы вляпались основательно, и будет у вас адвокат или нет, уже не столь важно. Мотать срок за «мокруху» – это вам не валенки у бабы Нюры тырить.

– Какую «мокруху»? – в один голос взревели братья.

– Преднамеренное убийство, например. Гражданина в Терлецком парке помните? Не выжил он, граждане Зуйковы, так что сидеть вам до седых волос.

– Послушайте, это какое-то недоразумение. Мы не при делах! – заныл младший Зуйков. – Андрюха вообще на сроке, за фига ему себя подставлять?

– Да заткнешься ты или нет? – Зуйков-старший пнул брата ботинком в голень, тот взвыл, опустил глаза в пол, но ничего не сказал. А старший обратился к Гурову: – Гражданин начальник, если вы «мокруху» на нас повесить решили, может, хотя бы поделитесь подробностями? Чтобы знать, за что чалиться.

– Приедем на место, там и поговорим, – сухо ответил Гуров, завел двигатель и повел машину в город.

За долгие годы службы в правоохранительных органах полковник Стас Крячко усвоил одну простую истину: бывают дни, когда из дома вообще лучше не выходить. Не выходить, и точка. Ни по личным, ни, тем более, по служебным делам. Пользы не получишь, а геморрой нажать как от нечего делать. Если с личными делами можно было интуиции и поддаться, то со служебными такое не прокатывало. Интуиция там у тебя, или предчувствие, или хоть третий глаз – начальству без разницы. Пришел рабочий день, будь добр отрабатывать жалованье.

День, когда Гуров и Крячко начали охоту на братьев Зуйковых, оказался как раз одним из таких неудачных дней. Потратив кучу времени сперва на поиски, а затем на поимку Зуйковых, на выходе напарники получили лишь головную боль. С братьями изначально все пошло наперекосяк. Еще на насыпи, глядя вслед убегающим Зуйковым, Стас мельком подумал, что лучше бы оставить их в покое, но в пылу погони он эту мысль не зафиксировал. Вспомнил об этом только тогда, когда по пути в Управление младший Зуйков вдруг начал задыхаться и исходить пеной. Гуров вел машину и на задержанных особо не отвлекался, а Крячко от нечего

делать разглядывал парней, пытаясь понять, что именно смущает его во внешности братьев и заставляет сомневаться в том, что труп в Терлецком парке дело их рук.

Когда Дмитрий Зуйков внезапно откинул голову назад и странно захрипел, Стас подумал, что тот симулирует, но как только перевел взгляд на брата, понял, что дела действительно плохи. Старший Зуйков не проронил ни слова, он молча придвинулся к брату и пытался вернуть его голову так, чтобы она приняла привычный наклон. В наручниках ему было не слишком удобно, но о помощи он все равно не просил.

Машины остановили, Зуйкова-младшего из салона вытащили, уложили на обочину. Еле выдавили из Андрея, что за проблемы у брата со здоровьем. Оказалось, судорожные приступы случаются у Дмитрия в стрессовых ситуациях, и единственный способ прекратить их – только специальные препараты. На этот раз Зуйковы так торопились, что о лекарствах не подумали. И вот, вместо того чтобы везти задержанных в Управление, напарникам пришлось созваниваться с ближайшей больницей, лететь туда на максимально допустимой скорости, трясти за грудки дежурного врача, чтобы тот поторопил санитаров в дежурке и не позволил Зуйкову-младшему околоть.

Когда состояние Зуйкова стабилизировалось, пришла очередь врачей ставить ультиматумы и выдвигать требования. Перевозить куда-либо Дмитрия Зуйкова они запретили, заявив, что повторного припадка организм может не вынести, и смерть Зуйкова в этом случае будет на совести оперов. Становиться убийцами пусть и трижды судимого воришки ни Крячко, ни Гурову не хотелось. Пришлось связываться с начальством, описывать ситуацию и просить охрану на период госпитализации Дмитрия.

Старший Зуйков, оказавшись один на один с операми, вдруг заартачился и ударился в «глухую несознанку». Нигде не был, никуда не ходил, никого не видел, ничего не знаю. Других ответов полковники не услышали вплоть до того момента, пока порог допросной не перешагнул Дмитрий, который дал свои показания еще на больничной койке, и Крячко успел их проверить.

История с пиджаком оказалась настолько абсурдной, что даже смеха не вызывала. В ночь накануне убийства в Терлецком парке братья решили устроить себе, как они это называли, «вброс адреналина». Сидеть в Железнодорожном постоянно привязанными к маршруту «депо – дом» братьям казалось муторным, но с их ограничениями больно не погуляешь. И все же выход они нашли. Присмотрели в Москве круглосуточный спортбар, где крутили записи боев со спортивных соревнований, а иной раз и боев без правил, и когда монотонный маршрут совсем уж надоедал, собирались и уезжали в бар на всю ночь.

В Москву на электричке не ездили, только на попутках, чтобы следов в виде электронного билета не оставлять. В этот раз тоже. Часов в девять вечера вышли на трассу, дождались попутки и прямо до бара доехали. Машина крутая, водитель разговорчивый попался, бывший механик, а старший из Зуйковых в технических делах асом оказался. Любой движок с закрытыми глазами разберет и соберет, да так, что работать тот будет лучше прежнего. На эту тему водитель с Андреем Зуйковым языками и зацепились, пока про моторы говорили, он до места братьев довез. Зуйков-старший хотел под эту лавочку и утром с тем же водителем домой вернуться, но как-то не сложилось.

В баре братья посидели не слабо, адреналина набрались по полной программе. И выпили солидно, и за любимого боксера покричали-поболели до хрипоты и покрасневших белков глаз, и с мужиками поспорить-поругаться успели, доказывая, кто из боксеров круче. Спор едва-едва до рукопашной не дошел. Хорошо, охранник вмешался, разогнал спорщиков по разным углам. Про спор все благополучно забыли, вечер завершился мирно, и к восьми утра братья Зуйковы выползли из бара и поплелись к электричке. Денег на поездку в машине у них не осталось, поэтому и выбирать не приходилось.

К железнодорожной станции Новогиреево от спортбара вела прямая дорога. Как братья оказались в Терлецком парке? Естественная физиологическая потребность привела, это если выразаться культурно, а если по-простому – младшему Зуйкову отлить приспичило. После ночи в компании с бочонком пива это неудивительно. Братья свернули в парк, нашли более-менее укромный уголок, а когда из парка выходили, в урне пиджак увидели. Андрей Зуйков пиджак вытянул – и, не останавливаясь, на станцию. Там по карманам пошарили в надежде денег найти. Не нашли. Выбрасывать жалко стало, вещь хорошая. Решили оставить, откуда им было знать, что одежда с трупа?

В поезде поспорили, кому пиджак достанется. Дмитрий считал, что тот должен достаться ему, так как по размеру больше подходит, а Андрей дразнился: неважно, мол, что ему маловат, продаст – получит деньги. Слово за слово, разругались, видно, алкоголь еще не выветрился. Стали пиджак друг у друга из рук рвать, прозвищами обидными бросаться, потом до кулаков дошло. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не бдительные пассажиры. Наряд вызвали, с поезда дебоширов ссадили. Когда железнодорожный патруль Зуйковых скрутил, старший вдруг решил, что нехорошо будет, если с пиджаком их возьмут, ну, и выкинул его. А уж бомж Сопля чуть позже подобрал.

Рассказ Дмитрия Зуйкова подтвердился: и в баре Зуйковых как завсегдатаев знали, и время, когда они ушли, запомнили. Парадный вход в бар выходит на оживленную трассу, а крыльцо попадает в фокус видеокамеры. Даже если бы бармен и охранник не помнили, во сколько ушли братья, данные с камеры подтвердили бы слова Зуйкова-младшего. Нападение на Светлану Рассулову случилось минимум на два часа раньше, и смерть насильника, соответственно, тоже раньше наступила. Получалось, что бегали напарники за братьями напрасно.

Извинений Зуйковы не потребовали, радуясь, что последствий дебоша в электричке удалось избежать. Гуров же совсем не радовался. Пиджак казался ему перспективной уликой, а оказался полной «пустышкой». Обидно? Еще как.

Глава 5

После неудачи с Зуйковыми Крячко снова завел разговор о начальнике Рассуловой. Слишком, мол, ситуация щекотливая, почему бы не прощупать мужика. Гуров никак с напарником соглашаться не желал, но, так как других вариантов не наклеывалось, сильно сопротивляться не стал и отпустил Стаса собирать компромат на начальника лаборатории Клинического центра. Поэтому утром следующего дня, когда Валерка Жаворонков принес свежие новости по ножу, в кабинете Лев оказался один.

Драконов на рукоятке много где резали, но того, который его интересовал, Жаворонкову никак отыскать не удавалось. И все же он нашел, причем умелец оказался гораздо ближе, чем мог предположить капитан, начиная поиски. В Тверской исправительной колонии на поселении, то ли в виде откупного, то ли в дар, бывший художник по кличке «Да Винчи» ваял эксклюзивные сувениры, в том числе и ножи с рукояткой в виде дракона. Кроме этой информации Жаворонков отыскал человека, бывшего охранника тверской зоны Михаила Абилова, через которого можно было организовать встречу с Да Винчи в неформальной обстановке.

Гуров ухватился за эту возможность, тут же связался с Абиловым и назначил встречу на полдень. Пообщаться с Да Винчи оказалось довольно просто. Срок он отбывал на поселении, куда был переведен за примерное поведение, так что даже разрешения на свидание запрашивать не пришлось. Единственная загвоздка – общаться с посторонними, будь те гражданские или служащие, художник отказывался наотрез. Об этом Абилов сообщил Гурову в первую очередь и посоветовал, чем подмазать художника, чтобы тому было сложнее отказать оперу.

Перед поездкой в Тверь Лев зашел в специализированный магазин, под завязку напичканный всевозможными художественными примочками, и, проконсультировавшись со знающими людьми, приобрел то, от чего ни один художник, будучи в здравом уме, отказываться не станет. Из списка возможных презентов он выбрал жутко редкую поталь и авторскую жидкость для состаривания картин. Не ширпотреб, который можно в любом интернет-магазине заказать, а товар, привезенный по индивидуальному заказу. Влетел презент в хорошую копеечку, но Гуров надеялся списать расходы в счет накладных и прочих расходов, если расследование пройдет успешно и о проведенных мероприятиях можно будет доложить начальству.

Непритязательный одноэтажный дом, где обитал Виталий Дайчинов, он же Да Винчи, стоял последним в ряду домов, принадлежащих колонии-поселению. Забор вокруг дома отсутствовал, границы обозначались куцым кустарником в полметра высотой и скромными дорожками между домами. Когда Гуров и Абилов подъехали к дому, Да Винчи восседал на крыльце, что-то самозабвенно вырезая из куска дерева. Первым из машины вышел Абилов и громко поздоровался:

– Здрав бывай, художник! Все творишь?

– В Тверской области живем, местность обязывает. – Да Винчи на секунду оторвал взгляд от дерева и тут же вернулся к прерванному занятию.

– Все хохмишь? Что за шедевр строгаешь на этот раз?

Но Да Винчи, заметив постороннего, решил отмолчаться. Абилов другого приема и не ждал. Дошел до крыльца, уселся на нижнюю ступеньку, так, чтобы взгляд художника поневоле улавливал и его. Немного помолчал, затем завел беседу ни о чем. Рассказал последние новости из тюрьмы, и хоть давно там не работал, руку на пульсе держал. Потом прошелся по местным новостям, упоминая фамилии людей, которые Да Винчи, по всей видимости, были хорошо знакомы. Затем резко, без перехода, заявил:

– Тут опер московский по твою душу. Не откажи в помощи, очень надо. – И снова без перехода – про цены на бензин да грядущее подорожание.

Гуров стоял чуть в стороне и с любопытством наблюдал за странной парой. Казалось, каждый из них сидит сам по себе, и все же чувствовалось, что объединяет их не просто случайное знакомство, а настоящая крепкая дружба. Еще пару минут Абилов трепался про погоду и огородные заботы, после чего махнул Гурову рукой, чтобы тот презент выкладывал.

Лев поставил на крыльцо пакет и снова отошел в сторону. Художник бросил на пакет мимолетный взгляд и запыхтел. Абилов продолжал трепаться ни о чем, пока Да Винчи не выдержал и не потянулся к пакету.

– Мусорный бак за углом, – проворчал он, с наигранной небрежностью ткнув пальцем в черный пакет.

– Вряд ли тебе захочется увидеть это в мусорном баке. – Рот Абилова расплылся в широкой улыбке.

– С детства мусором не интересовался, – фыркнул Да Винчи, а сам тем временем начал шею тянуть, пытаясь заглянуть в нутро пакета.

– Таким как раз с детства и увлекался, – возразил Абилов. – За этот мусор твои коллеги дом вместе с обстановкой продадут.

– Да ладно! У тебя там «Квадрат» Малевича, что ли?

– Квадрат не квадрат, а кое-что интересное имеется. – Перед тем как ехать к Да Винчи, Абилов даже не поинтересовался, что привез Гуров для художника, на это просто не хватило времени, поэтому сейчас искренне надеялся, что презент окажется действительно стоящим. – Да ты взгляни, за просмотр полковник денег брать не станет.

– Полковник? – Да Винчи бросил взгляд на Гурова и быстро отвел глаза. Звание явно произвело на него впечатление.

– Представь себе, целый полковник, – поддел Абилов. – Лично к тебе приехал. Двести километров отмотал, не поленился в магазин заскочить, подарочек тебе выбрать, а ты на него ноль внимания. Что за манеры, Да Винчи!

– Разберемся, – буркнул художник и нырнул носом в пакет. Через секунду он выудил из черных недр первый презент, картонную коробочку, прочитал вслух: – Поталь в хлопьях. Золото, серебро, медь. Богато!

– Ты дальше смотри, – настаивал Абилов, понятия не имея, есть ли в пакете еще что-то.

Да Винчи пошарил рукой внутри пакета, вынул малюсенький флакон. Абилов разочарованно присвистнул, но художник взгляделся в надпись и аж подскочил на ступеньке.

– Да ладно! Не может быть! – восклицал он, поднося флакон то к глазам, то к носу. – Да брешете! Епона кочерыжка!

– А ты сомневался? – облегченно выдохнул Абилов. – Говорю же, из столицы гость. Не на рынке отоваривался.

– Да ты хоть знаешь, что это? – развернулся к нему Да Винчи. – Это же штучный товар! Сам Аурелио Бруни сейчас кипятком мочился бы, окажись у него в руках этот флакон. Ты хоть знаешь, кто такой Аурелио Бруни? Ни хрена ты не знаешь.

– Какой-нибудь итальянский художник, чего тут гадать. Фамилия сама за себя говорит. – Произнося это, Абилов покосился на Гурова, в глазах читался вопрос: что за ерунду ты притащил под видом эксклюзива? Тот пожал плечами, сам не понимая, чем так восхищен художник.

– Какой-нибудь – это пацанчик с зоны наколки в виде куполов набивающий, а Бруни, он гений! – продолжал восхищаться Да Винчи и, обращаясь к Гурову, спросил: – Дорого взял?

– Не очень, – честно признался Лев. – Знакомый художник посоветовал, к кому обратиться.

– Круто! Что за это хочешь? – Пренебрегая правилами субординации, Да Винчи обратился к полковнику на «ты».

– Вопрос есть, по одной вашей вещице, – продолжал по привычке выкать Гуров.

– Показывай! – скомандовал художник, и Лев вынул из кармана фото ножа. Увидев снимок, Да Винчи нахмурился: – «Мокруха»?

– Есть такое дело.

– Ножом?

– Нет, – честно признался Лев. – Его нашли на месте преступления, но как орудие убийства нож не фигурирует.

– Дай поближе посмотрю, – снова скомандовал художник. Гуров передал ему снимок, тот долго его рассматривал, потом вернул обратно со словами: – Нет, дружище, в этом деле я тебе не помощник.

– Не ваша работа?

– Это неважно. Моя не моя, вопрос в другом. Есть ситуации, при которых язык лучше держать за зубами, целее будешь. – Да Винчи с сожалением сложил презенты в пакет и протянул его Гурову: – Жалко, конечно, вещи стоящие, но жизнь, она, брат, дороже.

– Владелец ножа настолько серьезный человек?

– На самом деле таких ножей я сделал три. Не для себя. Попросили и рисунок предоставили. Видишь, язык у дракона не из пасти, а вроде как из горла выходит? Символично. Я сделал и отдал, остальное вроде как не моя забота. Забирай подарки, полковник, дальше базара не будет.

– Оставь себе. Мне вряд ли пригодится, так зачем хорошему товару пропадать?

– Не надейся, полковник, не передумаю, – предупредил Да Винчи.

– Я знаю. – Гуров поставил пакет на крыльцо, развернулся и зашагал к машине.

Абилов переводил растерянный взгляд с художника на полковника, не решаясь последовать за ним.

– История любопытная на память пришла, – негромко произнес Да Винчи, когда Лев уже за ручку дверцы взялся. – Не так давно это было. Может, в Тверской, может, в какой другой области, но от столицы недалеко. Историю эту по всем СМИ мусолили, очень уж странная оказалась. Три трупа, три ножа, трое подозреваемых. Будет интересно – почитай на досуге, полковник.

– Время выберу – почитаю, – кивнул Лев и сел в машину, а Абилов тут же к нему присоединился.

Да Винчи постоял с полминуты на крыльце, подхватил пакет и скрылся в доме. Оказавшись в машине, бывший охранник принялся извиняться:

– Вы уж простите, товарищ полковник, неувязочка вышла. Проездили впустую, потратились опять же...

– Забудь! Все, что мог, он мне сообщил.

– Это как? – Абилов казался искренне удивленным.

– Нам, операм, не обязательно весь расклад давать, – усмехнулся Гуров. – Достаточно намек, а там мы сами нужные сведения добудем. В этом и заключается наша работа.

– Выходит, не напрасно тратились?

– Будем надеяться.

Наводку Да Винчи дал грамотно. Гурову даже к помощи Жаворонкова прибегать не пришлось. Вернулся в отдел, набрал в поисковике фразу, произнесенную художником, и засел за чтение. История с тройным убийством описывалась в средствах массовой информации красочно, Лев практически с первых строк понял, почему Да Винчи указал ему на эту историю.

Суть заключалась в следующем: в один день в разных местах произошли три убийства. Сценарий преступления точно на ксероксе распечатали, каждая жертва успела выйти из подъезда жилого дома и прямо на крыльце получила три ножевых ранения в область сердца. В каждом случае нож остался в теле жертвы, правда, на рукоятках ножей никаких драконов выре-

зано не было, но все три ножа изготовил один мастер, и явно по заказу. Через этого резчика на убийц в итоге и вышли. Два преступника имели срок за убийство, третий, по кличке «Забой», получил за это дело первый срок. И отбывал наказание как раз в Тверской исправительной колонии.

Вывод напрашивался сам собой: кореша, потеряв прежние именные ножи, решили обзавестись новыми. Скорее всего, идея принадлежала Забою, может, хотел подкрепить дружбу с рецидивистами таким символическим образом, так как вряд ли бывалые зэки стали бы пускать розовые слюни на новый ритуальный символ, схлопотав срок за ту же самую ошибку. Так распустил Гуров, и Крячко с ним в этом вопросе был согласен.

История раскрывала и нежелание Да Винчи выдавать заказчика. Сам Забой, может, и не настолько страшен, а вот мести его авторитетных дружков художник опасался не напрасно. Да и про Забоя Гуров начитался сполна, запросив его дело из архива. Судимостей за ним ранее не числилось, но характеристику участковый инспектор, на земле которого проживал Забой, дал такую, что людям со слабым сердцем лучше бы ее не читать. До первой ходки Забой проходил как соучастник, минимум, по шести эпизодам. Каким-то образом богатеньким родителям юного преступника удавалось до поры улаживать проблемы сына, не доводя дело до суда.

В арсенале Забоя числились разбойные нападения с применением холодного оружия, нанесение тяжких телесных, пытки и даже убийства, но всякий раз вину за совершенное преступление брал на себя кто-то другой, только не Забой. Он оказывался вроде как не при делах. Свидетель, который ничего не видел и ничего не слышал, совершенно случайно оказавшийся не в том месте, не в то время. Вот как-то так.

На этот раз крутой папаша отмазать сынка не смог, слишком веские улики против него собрала следственная бригада. И все же срок он получил минимальный, правда, пошел на лишение свободы, но не на строгий режим. Через три месяца его перевели на поселение.

Теперь нужно было придумать, как выудить из Забоя информацию о ножах, не подставляя Да Винчи. Из Твери Забоя перевели ближе к Москве, и сейчас он пребывал в Зеленоградской колонии-поселении, что играло на руку Гурову: к нему ближе – от Да Винчи дальше. На этом благоприятные условия заканчивались. Лев прекрасно понимал, что приехать к Забою просто так и потребовать отчет о ножах – совершеннейшая нелепица. Не станет тот с ним общаться, нужен особый подход к нему искать. Вон художник, и не рецидивист, и не убийца, а без Абилова на Гурова даже не взглянул бы.

Вместе с Крячко они начали обрабатывать своих осведомителей, их друзей и приятелей, задействовали всех коллег, пытались отыскать человека, который мог бы свести их с Забоем. К восьми вечера задача все еще оставалась нерешенной. Гуров связывался с Зеленоградом, там пообещали помочь, правда, предупредили, что особо надеяться на успех не стоит. Забой – мужик скрытный, друзей у него немного, а ради приятелей он и пальцем не пошевелит.

Ситуация зашла в тупик, и тут пришла помощь откуда не ждали. Вдруг расстарался генерал Орлов, у которого в Зеленоградской колонии-поселении служил знакомый. Когда-то он проходил практику под началом генерала, впоследствии ушел из органов в систему исполнения наказаний, но связь с Орловым поддерживал, и, что более важно, генерал его слову безоговорочно доверял.

Этот приятель заявил, что Забой уже больше месяца прохладается в больничке, причем не в специализированном учреждении при тюрьме, а в самой обычной московской больнице. Положили вроде бы с камнями в почках, увезли из колонии-поселения с жутким приступом, и теперь все продлевают и продлевают срок лечения. Начальник колонии связывался с лечащим врачом, но тот запретил заводить речь о переводе. Отказ аргументировал тем, что во время переезда камень может пойти, что приведет к летальному исходу. Оно кому-то надо? Получалось, что во время совершения преступления Забой оказался почти на вольных хлебах.

Тот же знакомый генерала дал наводку на бывшую невесту Забоя, снабдив оперов трогательной историей любви уголовного и школьной учительницы и приложив к рассказу адрес проживания девушки. И тут мнения напарников разошлись. Гуров стоял на том, что использовать чувства девушки для достижения своей цели неэтично, Крячко же убеждал его, что при расследовании убийства не стоит проявлять излишнюю щепетильность. Сошлись на следующем: к девушке они поедут, ситуацию ей изложат, и если она добровольно согласится помочь, значит, попытаются выйти на Забоя через нее. Если же наотрез откажется, будут искать другой выход.

В этот же день опера выехали в Подольск, где жила Оксана Кухарева. До Подольска езды чуть больше часа, на место прибыли к четырем вечера. Не надеясь застать учительницу в будний день дома, поехали сразу в школу. Рассчитали верно, у Кухаревой только-только закончился последний урок, оставались кое-какие текущие дела, так что домой она еще не собиралась, но побеседовать с операми могла.

Услышав, о ком пойдет речь, Кухарева нахмурила брови и как-то отстранилась от посетителей. Еще минуту назад перед полковниками сидела жизнерадостная, открытая, довольно симпатичная девушка, довольная жизнью и излучающая доброжелательность, теперь же она натянула на себя маску строгой преподавательницы, к которой пришли родители двоичника просить о снисхождении к своему неразумному чаду.

– По закону я обязана обсуждать с вами эту тему? – сухо осведомилась она.

– Смотря какой закон вы подразумеваете под своим вопросом, – тщательно подбирая слова, ответил Гуров.

– Разумеется, государственный. – Кухарева скрестила руки на груди, чтобы подчеркнуть свое нежелание идти на контакт.

– Несколько дней назад в Терлецком парке было совершено нападение на женщину, – начал издали Лев, поняв, что давить на Кухареву бесполезно. – В сущности, она еще и не женщина вовсе, ей двадцать четыре года, и отношений с мужчинами, серьезных отношений, у нее не было. Нападавший пытался изнасиловать девушку. Чудом ей удалось отбиться и избежать насилия. Говорю чудом, потому что знаю, как редко такое случается. В восьмидесяти процентах случаев насильнику удается совершить задуманное, слишком сильно бывает напугана жертва. Но этой девушке повезло. Сначала повезло...

Он намеренно сделал паузу. Ему хотелось понять, заинтересовал ли рассказ Кухареву. Учительница некоторое время молчала, затем все же спросила:

– Что вы имеете в виду, говоря «сначала»?

– Насилия она избежала. Пришла в полицейский участок и сообщила о случившемся. На место происшествия выехала бригада. Они нашли насильника. Мертвым.

– Девушка его убила?! – ахнула Кухарева.

– Нет, но обвинили именно ее. Теперь она сидит в камере, ждет суда. Самое же ужасное, что она сама убеждена в том, что убила того мужчину. То есть из жертвы она перешла в разряд преступниц. Сама себя перевела в разряд преступниц. Вот такая история.

– Вы сказали, что мужчину убила не она, почему же тогда она в тюрьме?

– Потому что сама против себя дала показания. Практически призналась в убийстве.

– А вы убеждены, что насильника убил кто-то другой. – Тон Кухаревой звучал утвердительно.

– Именно так. Девушка стала жертвой обстоятельств, и моя задача – помочь ей выпутаться из скверной истории, – заявил Гуров.

– Для этого вы приехали ко мне и задаете вопросы про Стаса. – Как ни странно, имя Забоя она произнесла с видимой неприязнью.

– Все верно. К вам я приехал в надежде, что вы не откажетесь помочь молодой девушке, – подтвердил Лев. – Родители ее умерли, братьев-сестер нет, друзей как таковых тоже.

– Печальная история, – протянула Кухарева. – Одиночество вообще не очень приятная вещь, а в трудной ситуации и вовсе непереносимая.

– Согласен с вами, – кивнул Лев и снова завел разговор про бывшего жениха учительницы. – Скорее всего, Стас непричастен к смерти насильника, но нож, который принадлежал ему, нашли на месте преступления. Теперь мне нужен повод для встречи с ним в неформальной обстановке. Больших надежд я не питаю, но все же шанс, что он прольет свет на события в Терлецком парке, есть.

– Хотите, чтобы я стала приманкой? – растерянно спросила Кухарева.

– Не совсем так. Дело в том, что ножом, подобных тому, который был найден на месте преступления, всего три. Наша задача выяснить: нож, который принадлежал Стасу, все еще у него или нет.

– Так просто? – удивилась Оксана. – Почему же вы не можете задать этот вопрос официально? Ведь если нож у него, он просто покажет вам его и все. А если не сможет показать, значит, его нет.

– Просто, да не просто. Для таких, как Забой, – на этот раз Гуров намеренно назвал бывшего жениха Оксаны, используя кличку, – сотрудничать с «краснопогонниками», мягко говоря, неприемлемо. Даже если речь идет об убийстве. Есть у опера подозрения – пусть доказывает, а нет доказательств – нет и базара. Нам он точно ничего не скажет, а вот вам может и сказать.

– Сомневаюсь, что ваша затея к чему-то приведет, – покачала головой Кухарева. – Мы ведь давно расстались. Некрасиво расстались. Не думаю, что у Стаса ко мне сохранились хоть какие-то чувства.

– Попытайся все равно стоит, – пожал плечами Гуров.

– Хорошо, я это сделаю, – минуту подумав, согласилась Оксана. – Где он сейчас? Надеюсь, не в тюрьме? Тюремную комнату для свиданий я вряд ли переживу.

– Он в больнице. Мы вас туда отвезем, сможете пообщаться в спокойной обстановке, – первый раз за всю беседу подал голос Крячко.

– Когда? – коротко спросила Оксана.

– Можно прямо сейчас, – бросив взгляд на часы, ответил Стас. – Сейчас пять, час на дорогу, плюс-минус полчаса на пробки и езду по городу. В больницу приедем как раз в часы посещения.

– Хорошо, я готова. Только тетради уберу.

Кухарева сложила тетради в аккуратные стопки, убрала их в стол, поправила прическу и, надев плащ, вышла из кабинета. В машине не разговаривали. Оксана думала о своем, Гуров следил за дорогой, Крячко же предпочел держать рот закрытым, чтобы случайной фразой не дать девушке повода передумать.

В больницу Оксана пошла одна, круглосуточного контроля над осужденными, отбывающими срок в колонии-поселении, не производят. Не было его и здесь, к Забою Оксана Кухарева могла пройти, как к рядовому стационарному пациенту. Надела халат, предъявила паспорт, и дежурная медсестра указала ей номер палаты. Гуров с Крячко остались в машине за территорией стационара.

Крячко был уверен, что у бывшего жениха девушка не пробудет и пятнадцати минут, но он ошибся, ждать пришлось долго. Когда стрелки часов пошли на второй круг, он начал нервничать, уже жалея, что отпустил девушку одну, да и вообще втянул ее в эту авантюру. Поделившись с Гуровым своими опасениями, Стас предложил сходить в больницу, провести обстановку. Лев и сам переживал не меньше его, но решил подождать еще пятнадцать минут.

– Если в половине восьмого не появится, пойдем вместе, – решил он.

Кухарева оказалась в воротах стационара ровно в половине восьмого. Крячко едва успел дверцу машины открыть, как увидел девушку, вид которой заставил его невольно отшатнуться.

В ворота больницы вошла молодая цветущая девушка, сейчас же к ним возвращалась измочаленная жизнью старуха.

– Черт, говорил же – плохая идея! – в сердцах выругался Гуров, выскочил из машины и помчался навстречу Кухаревой. Подбежав, подставил девушке руку, та благодарно оперлась о локоть полковника. Вместе они доковыляли до машины. Стас уже суетился возле задней двери. Распахнув ее настежь, помог Кухаревой сесть, протянул бутылку воды.

– Попейте, Оксаночка, сразу легче станет, – заботливо произнес он.

Девушка сделала два глотка, вернула бутылку и обессиленно откинулась на спинку сиденья. Мужчины расселись по местам и молча уставились в приборную панель, не решаясь начать разговор. Так просидели минут пять. В итоге заговорила сама Кухарева.

– Пустая была затея. Глупая, жестокая и самое обидное – пустая. – Голос ее дрожал то ли от невыплаканных слез, то ли от перенесенного стресса.

– Он ничего не сказал? – решил задать вопрос Крячко.

– Ну почему же? Сказал. – Оксана сцепила кисти рук в замок, потянулась, пытаясь унять дрожь. – Столько наговорил, на добрый роман хватит. И про чувства неугасшие, и про верность, и про коварство женское. Просил вернуться к нему, горы золотые обещал, а вот про нож говорить отказался. Обозвал меня ментовской подстилкой и из палаты выгнал. Хорошо, хоть руки распускать не стал.

– Простите, Оксана, не нужно было вас в это втягивать, – тяжело вздохнул Лев. – Мы отвезем вас домой. Если хотите, бумагу выправим, освобождение от работы на завтрашний день. Отлежитесь, в себя придете.

– Вот от этого увольте! – воскликнула Кухарева. – Не хватало еще, чтобы про меня на работе судачить начали. Свою порцию оскорблений я уже получила.

– Как скажете, а то могли бы любую причину указать, не обязательно про Стаса упоминать.

– Не нужно, правда. Я на работе быстрее в себя приду, – повторно отказалась Кухарева.

Больше Гуров настаивать не стал. Завел двигатель и поехал в Подольск. Кухареву довели до дома, Крячко проводил ее до квартиры, убедился, что та заперла за собой дверь, и вернулся в машину. В Москву возвращались с тяжелым чувством. Чтобы отвлечь друга от тяжелых мыслей, Лев начал строить планы на следующий день.

– Руки опускать рано. В конце концов, еще не все варианты испытаны, владельцы еще двух ножей проверке не подвергались. Забой – самый очевидный вариант, но далеко не единственный, – бодрым голосом размышлял он вслух. – Завтра с утра составим запрос на приятелей Забоя, может, что-то там обломится. Пройдемся по знакомым Рассуловой, страсти уже улеглись, память работает иначе. Может, кто-то вспомнит подозрительных мужчин, которые крутились возле клиники. По трупам тоже сведения обновятся. Вдруг да найдем в пропавших без вести, а определив личность, можно будет плясать от его окружения.

– Да брось ты! – зло сверкнул глазами Стас в сторону Гурова. – Все это туфта, и ты это прекрасно знаешь. А меня успокаивать незачем, не в детском саду, чтобы сопли мне салфеткой подтирать. Мой план не сработал, и точка. Закрыли тему.

– Ты по начальнику лаборатории так и не отчитался, – уловив настроение напарника, перевел Лев разговор на другую тему.

– «Пустышка», – отмахнулся Крячко. – Этот мужик чист, как стекло. У него даже штрафов за неправильную парковку не нашлось. Насчет заказчика и его внезапного отъезда информация подтвердилась. Я запрос заказчику отправил, он официально уведомил правоохранительные органы, что личное присутствие начальника лаборатории было инициировано в связи со сложностью заказа. Какие-то специальные пояснения им потребовались, так как их собственный специалист в этой области не сильно понимающий. Короче, начальник лаборатории получил железное алиби.

– Одним подозреваемым меньше, – заключил Гуров. – Значит, будем искать тех, кто знаком с покойным.

Разговор сам собой сошел на нет. Лев вел машину и думал о том, что, в сущности, ничего конкретного от Забоя и не ждал. Будь он сам на месте преступления и оброни там нож, ни за что в этом не признался бы. Подставлять корешей тоже не в его правилах. Надеяться на то, что нож оказался в руках человека, к которому Забой по каким-то причинам испытывает неприязнь? Версия больше похожа на сюжет «мыльной оперы», чем на криминальный рассказ об уркагане, тянущем срок. За Забоя они ухватились от безысходности, потому что других зацепок не было, вот и получили соответствующий результат.

– Эх, жаль, с Забоем не прошло, – подсадовал Крячко, когда Гуров остановил машину возле его дома. – Ладно, Лева, доброй ночи. Завтра будет новый день, и кто знает, какой сюрприз он нам приготовит.

Дома Гурова ждал сюрприз. Мария вернулась с гастролей раньше срока, что само по себе было приятно. К тому же приезд супруги означал свободу от наглого усатого создания, и это после бессонной ночи оказалось даже приятнее. Пребывая на волне эйфории от обретенной свободы, Гуров занялся домашними делами, благо таковых накопилось порядком.

Две недели на кухне подтекал кран, и Мария все никак не могла добиться от мужа его починки. Теперь на это время нашлось. После крана пришла очередь разболтавшейся розетки, затем регулировки дверцы холодильника, которая провисла чуть ли не полгода назад. Продукты в холодильнике от этого не портились, но на стенках лед намораживался, что жутко раздражало супругу. После решения мелких задач Лев перешел к более глобальным, таким, как перетяжка дивана в кухонной зоне. Ткань на диван они с Марией приобрели еще летом, и он честно собирался заняться им во время отпуска, да как-то руки не ходили. Само занятие оказалось увлекательным. Следовало подгонять рисунок, чтобы он смотрелся единым ансамблем, и вскоре Гуров с головой ушел в работу.

Мария, удивленная внезапным рвением мужа, молча наблюдала за ним весь вечер, боясь спугнуть удачу. Лишь когда Лев вбил последний гвоздь в обивку дивана, она решилась заговорить:

- Трудный день?
- Трудное дело, – признался он.
- Хочешь поделиться?
- Пожалуй, нет.
- Тогда по чаю и спать, – скомандовала Мария.

Чаевничали до двенадцати. Гуров все же рассказал жене о деле Рассуловой. Та посочувствовала девушке, посоветовала мужу набраться терпения и ждать. Рано или поздно выход найдется, заявила она. И оказалась права. В два часа ночи телефон Гурова разразился звонкой трелью. Спросонья тот не сразу сообразил, кто звонит, но, когда понял, сон как рукой сняло. Звонила Оксана Кухарева. Перед тем как проститься с девушкой, Гуров дал ей номер своего телефона. Так, на всякий случай, если вдруг девушке понадобится помощь. Он не ждал от нее звонка, полагая, что номер полковника Кухарева даже в память телефона вносить не станет. Того, что между последней встречей и звонком пройдет всего несколько часов, не ожидал совершенно.

– У меня в квартире знакомый Стаса, – сказала девушка. – Говорит, что есть сведения о владельце ножа с рукояткой в виде дракона.

- Буду через час, – коротко произнес Гуров и дал отбой.

Глава 6

– Нажил головную боль на наши... И как это у тебя получается, Лев? Все опера – люди как люди, и только ты постоянно ввязываешься в различные истории.

Полковник Гуров сидел в кабинете генерала Орлова и вот уже десять минут кряду выслушивал нелестные отзывы в свой адрес. Против нагоняя он не возражал, сам нарвался. Про убийство в Терлецком парке, а вернее, про то, что по уши увяз в его расследовании, Гуров доложил начальству только после того, как по Управлению пошел слух, что опера-важняки снова самодеятельностью занялись, а сами опера явились в Управление не к положенным восьми, а чуть ли не к обеду.

– Нет, ладно бы только сам ерундой занимался, так ведь он еще и людей моих припахал! Я молчал, когда ты в рабочее время Жаворонкова своими заданиями загружал. Молчал, когда Крячко со службы дергал. Но не явиться на планерку без предупреждения и уважительной причины – это уже не просто вольность, это уже нарушением устава попахивает. Погоня тебе жмут, это я давно понял, но мои-то какого черта подставляешь? – Несмотря на серьезные обвинения, запал у Орлова начал угасать. – Скажи, Лева, ты когда-нибудь начнешь служить как положено?

– Так мы попутно, товарищ генерал. В рамках текущей деятельности, – вяло оправдывался Гуров. – Пока текущие дела решаем, заодно и с делом Рассуловой разбираемся. Насчет планерки виноват, наказывайте по всей строгости. Подводить не хотел, так обстоятельства сложились.

– Не хотел он, – продолжал бурчать Орлов, но уже по-доброму. – Знаешь, кто сегодня на планерке присутствовал? Вот и видно, что не знаешь. Хорошо еще, ваш Жаворонков мне шепнуть успел, куда вы с Крячко вляпались. А ведь проверяющий и по ваши души в том числе приезжал. Хотел из первых уст историю поимки тройного убийцы услышать.

– Это вы про Секатора? – усмехнулся Лев. Убийцу по кличке «Секатор» искала вся столичная полиция, а поймали они с Крячко. Дело было с полгода назад, но шумиха вокруг него нет-нет да возобновлялась. – Кто бы мог подумать, им все еще интересуются?

– Приговор-то так и не вынесли, вот и интересуются, – пожал плечами Орлов. – Ладно, довольно лирики. Выкладывай, что там у тебя за обстоятельства, которые позволили тебе, педанту и формалисту, прогулять службу.

Гуров быстро ввел генерала в курс дела Светланы Рассуловой и перешел к изложению последних событий. Ночью, когда ему позвонила Кухарева и сообщила, что к ней пришел человек от Забоя, он сорвался из дома, даже не успев предупредить напарника. Гнал в Подольск как сумасшедший. Живое воображение, подкрепленное уголовной практикой, рисовало картины одна страшнее другой. Вот Оксана Кухарева лежит в собственной ванне, до краев наполненной водой вперемешку с ее же кровью, а на полу возле ванны лежит лезвие безопасной бритвы. Через минуту она же на полу в кухне, дверца духового шкафа распахнута настежь, все конфорки отвернуты в положение «включено», а форточки предусмотрительно наглухо запечатаны. У Оксаны синюшный цвет лица, одежда запачкана рвотными массами.

Картины менялись одна за другой, нога давила на педаль газа, а губы беззвучно шептали: дождись, девочка, только дождись. У дома Кухаревой затормозил со свистом, выскочил из машины, на ходу хлопнул дверью и в подъезд. На третий этаж влетел, утопил кнопку звонка и едва дождался шагов за дверью. Оказалось, торопился напрасно, визитер Кухаревой надолго не задержался, дожидаться приезда полковника уголовного розыска в его планы не входило.

И все же ехал Гуров не напрасно. Человек, которого послал Забой, передал Кухаревой важную информацию по всем трем ножам сразу. Как Лев и предполагал, опытные рецидивисты жест Забоя не оценили, от ножей отказались. С расстройства тот решил уничтожить

непринятый подарок, чтобы он не напоминал о том, как он облажался. В то время он сидел в колонии-поселении в Твери, так что возможностей избавиться от ножей было предостаточно. Почему-то Забою казалось, что просто выкинуть вещицы будет недостаточно, поэтому он решил их сжечь. Дерево на рукоятке должно было сгореть без остатка, а железо – оно и есть железо, вещь безликая.

Задуманное осуществил, но один из ножей все же уцелел. Зэк из авторитетных глаз на «перо» положил, «шестерки» его подсустились и игрушку у Забоя за хорошую мзду выкупили. Если бы не обстоятельства, Забой бы ему нож не отдал, а так – пришлось уступить. Не скажешь же «шестеркам» блатного, что отказываешь в подарке, который сам собираешься просто выбросить?

Так и вышло, что Забой против воли вынужден был отдать нож. Гуров полагал, что именно из-за этого он решил раскрыть имя нового владельца ножа. Видно, уважения этот блатной у Забоя не вызывал. Скорее всего, зэк успел ему дорогу перейти, отсюда и неприязнь, которую в открытую не покажешь, а тут еще и вещицей поделиться пришлось. Неприятно. Так или иначе, но Гуров получил то, что хотел, остальное неважно.

От Кухаревой он поехал сразу к Крячко. Пару часов подремал, затем оба поднялись и поехали в отдел. Последним владельцем ножа с рукояткой в виде дракона оказался трижды судимый Вася Шило. Из сорока одного года, которые успел прожить Шило, пятнадцать он отсидел за разбой, в том числе совершенный в составе организованной группы. Попросту говоря, Вася Шило был из бывших «бандосов», кошмаривших столицу во времена всеобщего беспредела и не сменивших личину до настоящих дней.

Судя по документам, последняя отсидка Васи закончилась всего пару месяцев назад, нового срока заработать не успел, что давало пищу для размышлений. В день убийства насильника Шило пребывал на свободе, его нож был найден на месте преступления. Что из этого следовало? Что Вася Шило запросто мог оказаться тем, кто расправился с неизвестным насильником. Без четверти семь утра у Гурова на руках имелось три адреса, где, как правило, обитал Шило: квартира в Мытищах, принадлежавшая его родителям, пансионат в Барвихе, где подвизалась в качестве медицинской сестры подруга Васи, и загородный дом в районе Капотни в деревушке с банальным названием Алексеевка, в нем он уединялся с друзьями, отвисая между отсидками.

Все три объекта располагались на приличном друг от друга расстоянии, просто объехать их меньше чем за полдня рассчитывать не приходилось. Гуров же надеялся застать в одном из этих мест Васю, задержать его и привезти в Управление для допроса. Что при таком раскладе оставалось делать? Ждать прихода генерала, чтобы получить официальное разрешение на проведение розыскных мероприятий и амнистию от планерки? Это сколько же времени будет потеряно напрасно, а оно и так на вес золота. Подумали-подумали и решили ехать. Сообщить о своем отсутствии поручили Жаворонкову. Тот, разумеется, восторга не проявил, но поспособствовать пообещал.

Самым перспективным местом операм показался дом в Алексеевке. Ехать предстояло около тридцати километров, но с учетом МКАДовских пробок – все пятьдесят. Благо время глобальных пробок еще не наступило, и в Алексеевку опера приехали около восьми. Дом Васи Шило им показал местный любитель домашних питомцев. В ранний час он прогуливался по улицам, вода на связке поводков сразу шесть питомцев. Пообщаться с собачником вышел Крячко. Разговорились, тот оказался наемным работником, специализирующимся как раз на выгуле собак. Оказалось, бизнес этот в Алексеевке весьма прибыльный. Основная масса домов в деревне принадлежит москвичам, приезжающим в пригород только по выходным. Чтобы не гонять своих питомцев в город и обратно, они нанимают человека, который следит за животными в отсутствие хозяев.

Васю Шило в Алексеевке знали все. Популярен он стал не благодаря криминальным наклонностям, а как любитель пышных гулянок. Дом его стоял почти в самом центре деревушки, и каждый раз, когда Шило собирал блатняк, из его дома на всю округу гремела музыка, из окон летели бутылки, а местный магазин поднимал кассу втрое против обычной. И это только на спиртном. Тот же собачник сообщил, что последняя грандиозная гулянка в доме Васи случилась недели две назад, тогда к нему машин десять приехало, во дворе места не хватило, так Вася соседа подтянул, к нему на двор часть машин загнал. Пошумели тогда знатно, из района наряд вызывать пришлось, когда гости Васи по голубям из окон палить начали. Правда, инцидент замяли, патруль на место прибыл, уже зная, с кем придется иметь дело. Поэтому старший группы слегка пожурил хулиганов, порекомендовал разойтись и отбыл обратно в районный центр.

В поселке ли Вася сейчас, собачник сказать не брался. На улице не видно, но кто знает, уехал или дома сидит. По словам собачника, бывало и такое. Не видно, не слышно, машина не проходила, а потом бац – и вылез со двора, в магазине отоваривается. Потом снова не видно. В деревне поговаривали, что в такие периоды затишья Вася «горькую» пьет и вроде как с душами убиенных им людей общается. Сокрушается вроде как о злодеяниях своих, сожалеет.

В сокрушение и сожаление напарники не поверили, но проверить дом пошли. Собачник увязался следом. Крячко недовольно пыхтел, косясь на добровольного провожатого, но отправить его восвояси после того, как он так активно помогал, у него не хватало духу. Так и шли: впереди Гуров, в шаге от него Крячко и чуть поодаль, по противоположной стороне тротуара, собачник со своими питомцами.

– Надо было на машине ехать, – догнав напарника, прошептал Стас. – Вот скажи мне, Лева, какого лешего мы пешком поперлись?

– Так ближе, – пожал тот плечами. – На машине объезжать квартала три, а пешком – вот он дом, прямо перед тобой.

В паре сотен метров впереди возвышался двухэтажный дом, отгороженный от соседских строений высоченным забором из красного кирпича. Это и был дом Васи Шило.

– Заборище отгрохал, на зоне ему заборов не хватило, – сострил Крячко. – Вот не откроет он нам, как действовать будем?

– Стандартно, – ответил Гуров, словно не видел в этом проблемы.

– Стандартно? Это при нашем наблюдателе? – с сомнением покосился Стас в сторону собачника, который отставать и не думал. – Да он шум такой поднимет, только держись.

– Не поднимет, не переживай. Еще и поможет нам, – уверенно проговорил Гуров.

– Твои бы слова... – Крячко не закончил фразу, остановившись возле ворот дома Шило.

На звонок видеодомофона ответа не дождалась ни с первого, ни со второго, ни с пятого звонка. Собачник подтянулся поближе. Он старательно делал вид, что действия оперов его совершенно не интересуют, и находится возле дома Шило он только потому, что его питомцы выбрали данную улицу для прогулки, но притворяться получалось плохо.

– Жуля, ну куда ты меня тянешь! – нарочито громко ворчал он на добродушного английского кокера, который и не думал тянуть хозяина куда-либо. – Вот ведь непослушная девочка! Смотри, и Лючик за тобой рвется.

Лючиком, по всей видимости, звался тойтерьер черной масти, собачка мелкая, но жутко голосистая. Не понимая, зачем хозяин дергает свору за поводки, когда идти никуда не собирается, тойтерьер время от времени выдавал серию сердитого лая. Из всей своры кроме него голос подавать никто не хотел, предоставляя Лючику отдуваться за всех.

– Простите за откровенность, но актер из вас никакой, – резко развернулся к собачнику Лев. – Хотите помочь – так и скажите, зачем спектакль разыгрывать?

– Так я и собирался, – обрадовался мужчина. – Вам ведь за забор попасть нужно, верно?

– Знаете, как это сделать, не нарушая закона?

– Ну, есть один способ, – хитро прищурился собачник. – Дальше по проулку забор переходит в простой частокол. Штакетины легко вынимаются. Если, допустим, мой пес случайно забежит на чужой двор, мне ведь придется его вызволять, верно?

– Верно. Только попасть за забор нужно нам, а не вам, – напомнил Крячко.

– Правильно! – просиял собачник. – Да ведь у меня еще пять собак! Как я с ними через забор полезу? Сам никак, верно?

– Верно, – согласился Крячко, догадываясь, куда тот клонит.

– Зато я могу вас попросить оказать мне любезность и помочь в моей непростой ситуации, – закончил собачник. – К тому же вы – сотрудники полиции, кого просить, если не вас?

– И кого же будем запускать во двор Васи Шило? – перешел к практическим вопросам Гуров.

– А Жулю и отправим, – выгалкивая вперед шоколадного кокера, заявил собачник. – Жуля спокойная и послушная. Погулять любит, но далеко не уйдет.

– Ловить ее потом как? – поинтересовался Лев.

– О! С этим проблем не будет. У нас с Жулей полное взаимопонимание. Гулять будет столько, сколько нужно, а когда я ей знак подам, она сама и придет.

– Все-то у вас предусмотрено, – поддел Крячко. – Часто практикуете?

– Случается, – лукаво улыбнулся мужчина. – Добрых людей в поселке много, а мы с Жулей всегда рады добрым людям помочь.

Он призывно махнул рукой, и опера двинулись за ним и его сворой. Не доходя метра три до конца проулка, собачник свернул к штакетнику, уверенным движением извлек из забора две штакетины, свернув их в разные стороны, и, нагнувшись, отстегнул поводок Жули. Та лишь мельком взглянула на него и полезла в проем. Выждав несколько минут, собачник громко позвал Жулю. Та не отреагировала. Тогда он так же громко обратился к Гурову, будто эта мысль пришла ему в голову только что:

– Товарищ, вы мне не поможете? Собачка на чужой двор убежала, боюсь, как бы беды с ней не случилось. Не могли бы вы сходить привести ее?

Гуров подыгрывать не стал, молча обошел собачника и скрылся в проломе. Усмехаясь, Крячко последовал за ним. Оказавшись во дворе Васи Шило, искать собаку они не стали. Разделились и начали обходить дом. До центрального входа дошли одновременно, поднялись на крыльцо.

– Думаешь, он здесь? – вполголоса поинтересовался Крячко.

– Сомневаюсь. Слишком тихо, да и наше присутствие ему вряд ли пришлось бы по вкусу, – ответил Гуров.

– В дом стоит лезть?

– Не думаю. Видишь, коврик на крыльце запылится, а следов грязи нет. Его недели две с места не сдвигали. Если бы хозяин туда-сюда шастал, непременно его сдвинул бы, и не один раз.

– Да понял я, только здесь еще один вход, через подвал. И никакого половика там нет, – заметил Стас.

– Для чего тебе через подвал в свой дом входить? Нелогично, – качнул головой Гуров. – Но раз уж ты такой скептик, проверь мусорный бак у подвального входа.

Бак для проформы проверили, он оказался пуст, и крышка все тем же ровным слоем пыли заросла. Искать в доме Васю смысла не было. Быстренько свернули осмотр и вернулись к проему. Собачник, продолжая играть свою роль, завидев оперов, жалобно запричитал:

– Не нашли? Ох, беда! Где же моя Жуля? Джульетта, девочка, иди к папочке!

Произнося эту фразу, он сунул голову в проем, и буквально в то же мгновение из глубины сада послышался собачий лай, а еще через минуту мокрая, но довольная морда Жули высунулась из проема.

– Ах, девочка моя! Ах, красавица! Вернулась? Сама дорогу нашла? – Искоса поглядывая на оперов, собачник одобрительно потрепал кокера по холке. – Больше не убегай, девочка. Ясно тебе?

– Ничего себе! – искренне восхитился Крячко. – Да у вас самый что ни на есть настоящий цирковой номер!

– С Жулей у нас полное взаимопонимание. Вы-то как, нашли, что искали?

– Увы, не повезло, – вздохнул Стас. – Но вам все равно благодарность от московской полиции.

– Ладно, пойду я. Деткам моим кушать пора.

Собачник зацепил карабин на ошейнике Жули, потянул всю свору на себя, и спустя несколько минут они скрылись за поворотом. Гуров и Крячко вернулись к машине и поехали на следующий адрес. Из района Капотни доехать в Мытищи раза в два быстрее, чем в Барвиху, поэтому следующий визит опера нанесли родителям Васи. В отличие от загородного дома сына проживали они в непритязательной коммунальной квартире на пять соседей, правда, принадлежали им две комнаты.

К визитам полиции старики привыкли, провели полковников в одну из комнат, усадили на диван и приготовились отвечать на вопросы. Дома Васи не оказалось, комната, которую он занимал, стояла на замке больше месяца. После последней отсидки Шило приезжал в отчий дом всего два раза: в день освобождения и еще пару недель спустя. Ночевать не оставался, поел-попил, часа три в комнате посидел и отчалил. Ключей от комнаты сына у стариков не было, ломать замок не нашлось повода, так что от осмотра пришлось отказаться. На всякий случай пообщались с соседями, получили подтверждение словам родителей Васи и ушли ни с чем. Надежда оставалась только на Барвиху.

Подруга Васи из Барвихи носила экзотическое имя Элеонора, имея при этом фамилию Чушкина. Пансионат, где она работала, специализировался на обслуживании клиентов пенсионного возраста, причем количество отдыхающих старше семидесяти превалировало. Всю прелесть и своеобразие возрастных пациентов Элеонора ощутила буквально с первых же дней: долгие разговоры, нудные жалобы, вонь и грязь, а также претензии зажиточных родственников, но ее это не напугало. По мнению Элеоноры, была в этой работе своя прелесть. На фоне старых развалин она выглядела почти королевой, а так как от рождения природа ее особой красотой или хотя бы миловидностью не наделила, здесь она получила то, чего не испытывала и в ранней молодости: обожание мужского пола и зависть женского.

Здесь же в один из коротких периодов между отсидками на нее «положил глаз» Вася Шило. Случилось это долгих восемь лет назад, и с тех пор его интерес к дурнушке Элеоноре не угасал. Выйти замуж и нарожать кучу детей Элеонора уже не мечтала, так что отношения с Васей ее вполне устраивали. Гуров и Крячко нашли ее на дальней площадке для прогулок. Она развлекала пациентов чтением вслух и к тому времени успела утомиться этим занятием, так что визит оперов ее обрадовал. Скомандовав старичкам отправляться в главный корпус и готовиться к процедурам, Элеонора все свое внимание перенесла на визитеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.